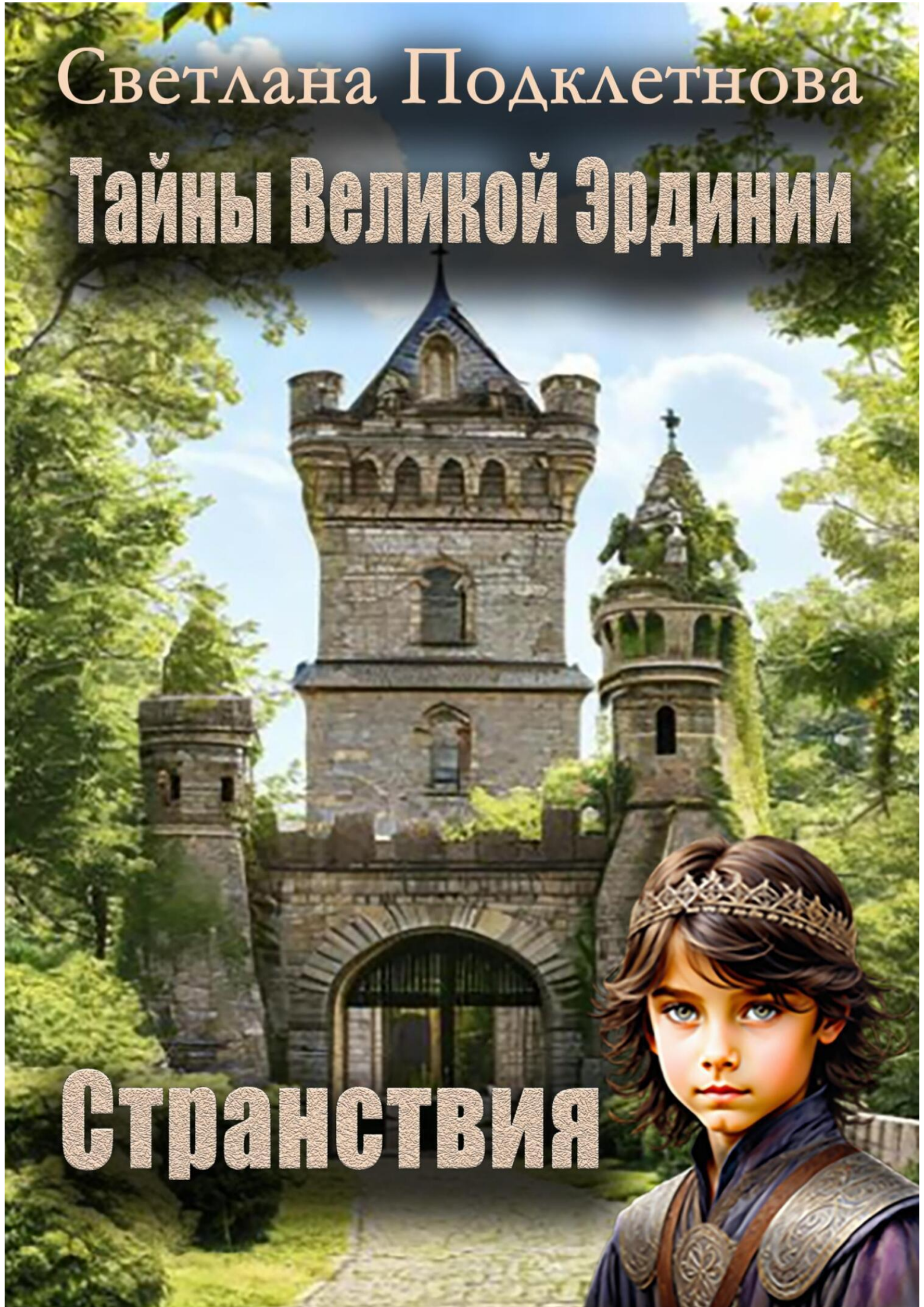
Светлана Подклетнова

Тайны Великой Эрдинии

Странствия

Тайны Великой Эрдинии

Светлана Подклетнова

Тайны Великой Эрдинии: Странствия

«Автор»
2024

Подклетнова С.

Тайны Великой Эрдинии: Странствия / С. Подклетнова — «Автор», 2024 — (Тайны Великой Эрдинии)

В древние времена, когда над миром прогремело проклятие, он разъединился. И появилось пророчество, дарующее надежду на спасение. Тысячи лет хранители пророчества ждали предзнаменования. И вот, наконец, предсказанное начало сбываться. Руководствуясь древними письменами, монахи смогли отыскать ребёнка, способного либо спасти проклятые миры, либо окончательно их уничтожить. Мальчик воспитывался в храме. Но настал час, когда в его сердце проник червь сомнения в той вере, которую пытались привить ему монахи. Сможет ли он победить зверя в душе, или позволит мирам исчезнуть?Встречайте новые приключения Арона и его друзей! Третья книга серии «Тайны Великой Эрдинии».Другие книги серии:1. Тайны Великой Эрдинии: Во имя грядущего.2. Тайны Великой Эрдинии: Оборотная сторона властиПараллельная линия:Тайны Великой Эрдинии: Последний шанс семи миров

© Подклетнова С., 2024
© Автор, 2024

Содержание

Предисловие 5
Глава 1. Признания 14
Глава 2. Открытие сокрытого 25
Глава 3. Преданность и предательство 37
Глава 4. Мнимое отступление от предсказанного или различия в толкованиях пророчества 46
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Светлана Подклетнова
Тайны Великой Эрдинии: Странствия

Предисловие

Уныло наблюдая за бьющейся в оконное стекло мухой, Лина сидела за своим рабочим столом. Лето было в полном разгаре, а она, как обычно, перебирала никому не нужные бумажки. Как хотелось куда-нибудь сбежать, уехать, испариться… И, возможно, именно так бы она и сделала, если бы не… Лина вздохнула. Что держало её здесь?

Единственным человеком, который проявлял к ней какой-никакой интерес, была её подруга Паша. Но даже она не смогла бы остановить Лину, если бы той вздумалось покинуть эту работу, этот город, свой дом. Лина не чувствовала необходимости оставаться здесь, как и необходимости оставаться где-либо ещё. Весь прошлый год – единственный год своей жизни, который девушка помнила – она жила словно по инерции. Каждый день она ходила на работу, каждый вечер приходила домой, изредка выходила посмотреть на задымлённые отработанными автомобильными газами улицы и чем-то обеспокоенных людей. Она веселилась и грустила, но где-то глубоко в своей душе осознавала, что всё это – не её, весь этот мир настолько же чужд ей, как и она чужда этому миру. Она не нужна здесь. И никто, и ничто, находящееся в этом мире, не нужно ей. Поэтому, в конце концов, Лина покинула бы город, в котором немногим более года назад очнулась от странного сна, абсолютно ничего не помня ни о своей прошлой жизни, ни о тех, кому было отдано её сердце. Но чуть менее двух месяцев назад произошли события, которые сама Лина назвала бы чудом, если бы не вечно скептическая Паша, сеющая в душу подруги недоверие и подозрительность.

В тот день что-то позвало Лину в концертную залу, где девушка встретила того, кого, казалось бы, всю жизнь ждало её сердце. Он назвался Ароном, подарил ей восхитительный танец, проводил домой, и там во время сильного ливня, сопровождающегося оглушительными раскатами грома и длинными, исполосовавшими всё ночное небо молниями, начал рассказывать ей удивительную историю, а затем внезапно исчез, оставив спящую Лину в закрытой изнутри квартире в полном одиночестве. Целый месяц после этого Лина пыталась прийти в себя. Она бы сочла, что юноша – плод её больного воображения, но Паша тоже видела его. Лина была как будто одержима тем, кто, словно смерч ворвался в её жизнь, и так же, как ураган, унёсся в неизвестность. С каждым днём она всё больше и больше погружалась в засасывающую пучину, из которой не было выхода. Лина была на грани отчаяния от обуревавших её, неизвестных до сей поры ей чувств, когда почти через месяц, в новолуние, он появился вновь, чтобы продолжить свою историю. А затем так же таинственно, как и в прошлый раз, исчез.

И опять месяц прошёл в ожидании. И вот сегодня на небосводе снова будет отсутствовать ночное светило.

Дело в том, что история, рассказанная Ароном, была не простой. Главных героев в ней звали так же, как и их – Арон и Лина. Но в этой истории Арон мог приближаться к Лине лишь в ту ночь, когда луна проходила стадию новолуния. И оба раза, когда Лина встретила Арона в реальной жизни, была именно такая ночь.

Паша говорила, что юноша просто смеётся над ней, пытаясь реализовать свою сказку в её жизни. Подруга считала невозможной такую ситуацию, чтобы один человек был способен общаться с другим лишь в новолуние. По словам Паши, Арон специально выбирает такие ночи для встреч, пользуясь наивностью Лины. А что у него на самом деле на уме, известно только богам.

Но до сего дня Лине, почему-то, было абсолютно безразлично, смеётся над ней Арон или нет. Девушке хотелось одного – чтобы тот вновь оказался рядом. Она хотела слышать его чарующий голос, видеть, как мягкие, словно чёрный шёлк, волосы, спадают на его плечи. Она хотела наблюдать, как он склоняет голову, беседуя с ней, смотреть, как он движется. Она мечтала вновь почувствовать глубокий взгляд его глаз цвета тёмного шоколада.

Лина не рассказывала Паше о своих чувствах, она старалась скрыть эти чувства ото всех. Разумом девушка понимала, что, наверное, подруга права, и Арон просто смеётся над ней. Но сердце её не желало слышать голоса разума. Сердце рвалось к тому, кто так неосторожно прикоснулся к её душе в тот, первый момент их встречи, когда она подняла взгляд и почувствовала глухой, словно последний, удар сердца в своей груди. В тот миг её собственный мир как будто перевернулся. Всё, что было в жизни Лины до этого, перестало существовать. Пусть этого чего-то было и не так много, но… В тот момент Лина почти забыла, что значит дышать, двигаться, жить. Всё замерло, заледенело… Можно было видеть движение потоков души. А потом этот миг кончился. Мир закружился, словно захватывая сердце Лины в свою карусель. Мир изменился до неузнаваемости, словно из чёрно-белого он стал цветным. В её мире появился Арон.

Муха всё ещё тихо стучала в оконное стекло, а девушка, не видя, что делают её пальцы, разглаживала помятый ими лист бумаги. Сейчас она помнила лишь одно. Сегодня ночь новолуния. Её сердце билось в ритме её души. Оно знало, он придёт! Он появится вновь, словно из воздуха. И это, как ни странно, пугало её. Лина пыталась разобраться в своих ощущениях. Что-то здесь было не так. Она хотела вновь встретить Арона и боялась этой встречи до глубины души. Она была уже настолько вымотана своими душевными переживаниями, что чувствовала – ещё чуть-чуть, и она не выдержит. Её мир рухнет вместе с ней в небытие, в пустоту. А что сменит этот мир, девушке было неизвестно.

Дверь скрипнула. Промелькнула мысль, что неплохо было бы её смазать.

– Лина?

Девушка подняла взгляд. В дверном проёме стояла леди-босс. Так в тайне, за глаза называла Лина свою начальницу, которая требовала, чтобы все звали её просто по имени – Марией, – как будто это могло уменьшить возраст главного бухгалтера маленького кафе-мороженое, в котором работала Лина! Наверное, на лице девушки была такая отстранённость, что леди-босс решила поинтересоваться её состоянием:

– У тебя всё в порядке?

– Да, Мария! – губы двигались машинально, и звук голоса получился каким-то неестественно металлическим.

– Ты здорова? – в глазах леди-босса теперь уже читалась истинная озабоченность.

– Да, Мария, – Лина никак не могла прийти в себя. Всё вытесняли мысли об Ароне. Сейчас ей было абсолютно безразлично, что думает о ней начальница.

Та взглянула на стол.

– Лина! – в голосе леди-босса послышался укор. – За весь день ты не заполнила ни одного документа. Что с тобой происходит сегодня? Ты точно не заболела?

За спиной главного бухгалтера показалась голова Паши.

– Мне ещё вчера она показалась больной!

Леди-босс вздрогнула от неожиданности, услышав раздавшийся сзади голос.

– Не подкрадывайся! – воскликнула она. – Нельзя же так людей пугать!

– Ну, извини! – Пожала плечами Паша. – Можно, я её домой отведу? – Паша вынырнула из-под руки Марии и подошла к Лине. – А то она сейчас, по-моему, неспособна даже к двум два прибавить. Испортит ещё чего-нибудь в этих бумажках, потом пересчитывай!

– Но этот день я ей оплачивать не буду! – леди-босс почему-то злилась.

Паша дёрнула Лину за рукав, и та нехотя встала. Идти никуда не хотелось. Так было хорошо сидеть здесь в полном одиночестве и тихо мечтать. Но, скорее всего, одиночество

линино на сегодня закончилось. Теперь уже от неё не отстанут. Не имело смысла объяснять Марии, что ей в принципе не нужны те деньги, которые здесь платят. Ведь сама Лина работала здесь лишь по инерции. Не было бы этого места, подошла бы любая другая работа. Наверное, это бы показалось странным кому угодно, но Лина не имела пристрастия к жёлтому металлу. Какое-никакое пропитание и крыша над головой её бы вполне устроили. Внезапно в голову Лины пришла мысль, что в принципе и крыша над головой не сильно нужна. Лишь к одному рвалась сейчас её душа – Арон. Только он мог принести ей мир и покой. Лина грустно улыбнулась. Наверное, она сходит с ума! Хотя… Кто знает? Возможно, она уже давно является сумасшедшей, которую разыскивают врачи какой-нибудь психиатрической клиники. И доказательством этому вполне может служить то, что она совершенно не представляет ни кто она, ни где она жила до того, как проснулась в маленькой однокомнатной квартире на прогнутой сетке панцирной кровати.

– Пошли же! – зашипела на неё Паша, видя, что подруга едва переставляет ноги. – Что с тобой происходит каждый раз в день перед новолунием?

Лину словно током ударило. Так Паша тоже помнит о новолунии? Лина внимательно взглянула на подругу, но та проигнорировала её взгляд, вытаскивая в узкую щель между косяком и одутловатым телом леди-босса.

Несколько ступенек, ведущие к белой пластиковой двери, открывающей проход в холл кафе, Лина преодолела с трудом. Ноги не слушались. В голове шумело. Возможно, она действительно заболевает? Лина не могла припомнить ни одного раза, когда плохое самочувствие не позволяло ей двигаться. Да и сейчас она не могла сказать, что что-то болело, или она ощущала какую-то слабость. Просто почему-то ноги не хотели идти. Лина прикоснулась к деревянным панелям стен. Внезапно на мгновение перед её взором возник полутёмный коридор со стенами, обитыми досками тёмного дерева, бронзовыми подставками с прикреплёнными на них бронзовыми же облицованными обожжённой глиной, украшенными орнаментом из разноцветной глазури масляными лампами и серым полом из квадратных каменных плит с высеченным на них ромбовидным рисунком. Лина глубоко вздохнула. Только галлюцинаций ей сейчас не хватало! Она скосила взгляд на подругу, но та, казалось, не заметила мимолётного испуга промелькнувшим видением, которое наверняка отразилось на лице Лины.

Паша открыла дверь и потащила подругу к выходу. В холле было мало народа. Обычно люди прибывали сюда к вечеру в ожидании дискотеки. Сейчас же лишь несколько забредших посетителей пришли просто для того, чтобы съесть свой бизнес-ланч посередине рабочего дня. Всё это проходило мимо Лины, оставляя крохи воспоминаний где-то в глубинах сознания. Девушка сама чувствовала, что теряет нить, связывающую её с реальностью, но ничего не могла с этим поделать. Мысли об Ароне и недосказанной им истории занимали Лину всё больше. И чем ближе становилась долгожданная встреча, тем более рассеивались мысли Лины. Сейчас она как будто погружалась в сказочный сон, в видения, навеянные воспоминанием о чистом успокаивающем голосе, текущем словно воды глубокой реки. Она слышала где-то далеко слова, которые он произносил, она чувствовала его руки, бережно переносящие её на постель. Она ощущала то же, что и тогда, когда, зная о необходимости открыть глаза и взглянуть на него в последний раз перед тем, как он исчезнет вместе с появляющимися первыми лучами солнца, она не могла очнуться от неги, навеянной сном, в который, казалось, он погрузил её намеренно. Лина закрыла глаза, пытаясь вернуть тот момент, когда он был рядом, пытаясь всем своим телом ощутить его присутствие. О! Сейчас она была на вершине блаженства. Оказывается, ей вовсе не нужно, чтобы он сам оказался рядом с ней. Она может почувствовать его просто одним усилием воли. Она может закрыть глаза и…

– Да, очнись же ты, в конце концов! – донёсся, словно издалека, голос Паши.

Видение исчезло. Реальный мир снова придвинулся. Лина открыла глаза. Она стояла перед пешеходным переходом. Как она сюда попала, девушка не помнила. Наверное, Паша

привела её. Лина внутренне усмехнулась. Дожила! Не знает ни куда идёт, ни зачем. Нет! Она просто должна стряхнуть с себя это наваждение. Арон… Она должна проститься с ним, иначе память о нём окончательно уничтожит её разум. Она должна окунуться в реальность. Она обязана оставаться в этом мире, а не погружаться в фантазии. Но как ей этого не хотелось! Сердце в ужасе вопило в ответ на голос разума, который Лина старалась выдвинуть на первый план. Душа стонала. Но Лина уже взяла себя в руки. Нельзя! Больше этого не должно произойти. Арон должен исчезнуть из её жизни. Достаточно последних двух месяцев, когда она словно лишилась самой себя. Но тихий голос где-то внутри снова и снова просыпался, нашёптывая, что, возможно, она вовсе не лишалась себя, что, возможно, наоборот Арон пробудил её настоящую сущность. Нет! Лина стряхнула с себя не успевшее оформиться в мысль наваждение. Сегодня она не позволит ему найти себя! Сегодня он не придёт! И… он не придёт никогда. Было чувство, что сердце протыкает кусок огненного металла, но Лина наконец-то решилась.

– Паша! – свой собственный голос показался самой Лине очень робким. Она прислушалась. Да… Чересчур нерешительный.

– Да? – Пашу удивило внезапное пробуждение подруги от грёз. Она уже не рассчитывала на то, что Лина откроет рот до следующего дня.

– Позволь мне сегодня переночевать у тебя? – Лина опустила глаза, она не хотела, чтобы Паша видела боль, закравшуюся в душу девушки, боль, которую причиняла той сама мысль о том, что именно она собиралась сделать. Но Паша была права. Арон просто смеётся над ней, поселяя в ней чувства, которых там не должно быть. Никто не может так подшучивать над живым человеком! А ведь она была настолько глупа, что поведала ему о своих проблемах. Внутри у Лины что-то оборвалось. Конечно! Он ведь знает о том, что именно с ней произошло. Ему хорошо известно, что она не помнит, ни кто она, ни откуда. Он в курсе, что она не знает ни своих родных, ни друзей. Не знает ничего…

– У меня? – насторожилась Паша.

– Конечно, если у тебя нет каких-либо планов на эту ночь! – ну вот! Лина почувствовала, что невзначай пытается найти лазейку для того, чтобы не выполнять задуманного.

– Нет… – пожалуй, слишком поспешно ответила Паша. – Планов нет! Ты можешь спать на софе.

– Это подойдёт! – улыбнулась Лина, всё ещё пряча взгляд.

– Но ты уверена, что тебе хочется именно этого? – недоумение Паши было понятно. Последние два месяца Лина только и говорила, что об Ароне.

– Нет… – Лина не могла лгать подруге. – Но у меня нет выбора. Это засасывает! Мне кажется, Арон сводит меня с ума!

Лина, наконец, подняла взгляд на подругу, и та прочитала в её глазах такую невысказанную боль, что, инстинктивно попытавшись защитить её, резко притянула к себе, пряча в своих объятиях.

– Мы сделаем так, как ты хочешь! – прошептала подруге Паша. – Но постарайся не принимать поспешных решений. Я не хочу, чтобы ты навредила самой себе.

Лина задумалась. Что имела в виду Паша? Она же сама говорила ей о том, что Арон опасно воздействует на неё. Что может навредить ей, Лине, как не это воздействие, благодаря которому она уже не видит ничего вокруг, благодаря которому весь окружающий её мир стал пустотой, спрятанной за образами Арона и его историй? Разве она не должна скрыться от наваждения, спрятаться от него, убежать так далеко, как можно? Разве она должна разрушать себя ради мимолётной сказки, рассказанной случайным прохожим? Разве будь у Арона хоть какое-нибудь доброе отношение к ней, он бы не остался рядом в течение этих двух месяцев? Разве хороший человек стал бы играть с ней в кошки-мышки, всё более и более загоняя её в мышеловку собственных надежд и мечтаний? Нет! Хватит грёз! Пора просыпаться. И на этот раз навсегда!

– Я хочу именно так! – уже более уверено сказала подруге Лина. – Достаточно он смеялся надо мной! Его сказка – всего лишь сказка. Драконов не бывает! Гигантских гномов нет! Нет на Земле никаких Драконьих гор! Такой страны как Великая Эрдиния никогда не существовало! И не может быть, что он сам не в силах посетить меня в любой день месяца лишь из-за какой-то призрачной боли, которая врывается в его тело в те моменты, когда он рядом со мной, но луна не сокрыта тенью Земли. В конце концов, новолуние – это всего лишь миг, который повторяется не только ночью, но и днём через синодический месяц, составляющий двадцать девять целых и пятьсот тридцать тысяч пятьсот восемьдесят девять миллионных суток! А в другие мгновения новолуния просто нет!

– Чего? – на лице Паши пробегало целое море чувств от недоумения до озабоченности. Она вглядывалась в глаза Лины. – Откуда ты… Где ты это взяла?

Лина попятилась. Действительно, откуда она это знает? Она никогда не пыталась выяснить, что такое новолуние. И она не представляла себе… Если только… Если только в той жизни, которую она по какой-то непонятной случайности забыла, она не знала всего того, что сейчас лезло в её голову.

– Ладно, ладно, успокойся! – Паша схватила подругу за руку. Сейчас её пугало выражение глаз Лины. Та была совсем растеряна. – Давай всё же попробуем перейти дорогу. Мы здесь уже вечность стоим!

Лина вновь взглянула на пешеходный переход, по которому как раз в этот момент шли те, кто рядом с ними ожидал зелёного света на светофоре, и ступила на белые полосы, нарисованные на асфальте шоссе.

– Так ты говоришь, что новолуние бывает не только ночью? – заинтересовано спросила девушку Паша, как только они перебрались через дорогу.

– Нет! – Лина покачала головой. – Новолуние бывает и днём и, как и затмение, длится всего миг.

– М-да… – казалось, Пашу поразил тот факт, который только что донесла до её сознания Лина. – И каждые двадцать девять с половиной дней?

– Каждые двадцать девять целых и пятьсот тридцать тысяч пятьсот восемьдесят девять миллионных суток, – поправила Лина.

– Ага… – Паша откинула рукой чёлку, уже порядочно отросшую и лезшую в глаза. – Точно! – и, вздохнув, добавила: – Но ведь ты мечтала о его приходе целый месяц. Ты уверена, что поступаешь правильно?

Лина задумалась. Как объяснить Паше то, что творится сейчас в её душе, если она сама толком этого не понимает?

– Я и сейчас мечтаю… – тихо ответила она. – И это меня пугает. Арон появляется из ниоткуда и исчезает в никуда. Он словно призрак, врывающийся в мою душу и забирающий себе частичку меня. Два раза я встречала его, и оба раза меня постигло разочарование. Я хочу стряхнуть это с себя. Я хочу покоя. Помнишь, как было раньше, до его прихода? Всё было так тихо, спокойно, размерено. Я хочу вернуть себе то, что он украл. Я хочу вернуть покой!

Паша обняла Лину за плечи. Она была немного выше Лины, и сейчас Паше очень хотелось поддержать девушку, которая стала ей словно младшая сестра.

– А ты сможешь забыть его, если спрячешься? Не получится так, что ты сделаешь себе ещё хуже, оттолкнув его от себя? – было странно слышать такие слова от Паши, которая постоянно убеждала Лину в том, что её «прекрасный принц», как называла Паша Арона, просто надсмехается над ней.

– Не знаю! – Лина поёжилась, девушке показалось, что её окатило ледяным холодом, хотя на улице было жарко. Даже сама мысль о том, что она должна будет пережить ещё месяц, а может, и не один, без Арона, пугала её настолько, что легче было заставить остановиться сердце, чем думать об этом. – Но я постараюсь! – пообещала подруге Лина. – Так больше

продолжаться не может. Я просыпаюсь, и думаю о нём. Иду на работу, и думаю о нём. На работе последнее время я думаю тоже только о нём. На прогулке, дома, в кино, в театре, даже во сне я думаю только о нём! А его нет… Он не рядом. Он не может разделить мои чувства. Он не может скрасить моё одиночество. Он просто не хочет делать этого. Он играет со мной, расставляя свои ловушки. А я попадаюсь в каждую из них!

Лина замолчала, пытаясь отдышаться, стряхнуть обуревающие её чувства. Паша грустно покачала головой.

– Ты любишь его, подруга! – убеждённо резюмировала она речь Лины.

Лина вскинула брови и с горечью в голосе ответила на фразу подруги:

– Это не любовь! Это наваждение! Любовь бывает только взаимной!

Паша вздохнула.

– Как скажешь! – сдалась она. – Но как бы тебе не аукнулось то, что ты сейчас собираешься делать. Не следует рубить гордиев узел, если в состоянии его развязать! Не нужно принимать такие решения, изменить которые ты будешь не в состоянии. Решив сделать что-то неотвратимое, задумайся над тем, что ты уничтожаешь все дороги к отступлению.

– Сегодня ты превратилась в философа! – горько усмехнулась Лина. – Пойдём к тебе, не будем испытывать судьбу!

– Но… – Паша всё ещё сомневалась в правильности решения подруги.

– Послушай! – прошептала Лина. Голос не слушался её, и она перешла на шёпот. – Если это действительно тот Арон, который чувствует связь со своей Линой, который ощущает биение её сердца, словно своего собственного, он отыщет меня и в твоей квартире!

– Ты сама-то поняла, что сказала? – округлила глаза Паша.

– Я поняла, – вздохнула Лина. – Но… я не верю в то, что говорю. Он не найдёт меня, если я изменю свой путь. Да и… – Лина замялась. Слова, которые она собиралась сказать, больно хлестнули, оставляя кровоточащую рану в сердце. – Кто знает? Возможно, ему надоело играть, и сегодня он просто не придёт.

– Не придёт! – скептицизм Паши настораживал. – Сомневаюсь…

Лина внимательно посмотрела на подругу. Мелькнула мысль, что той известно что-то, недоступное ей самой. И снова в душу закралось сомнение. Почему Паша так резко изменила своё мнение? Отчего она сейчас не поддерживает её решение, когда не далее, как вчера, сама говорила ей о том, что её «сказочный принц» просто надсмехается над Линой?

– Паша… – Лина заглянула в глаза подруги, пытаясь лучше понять то, что творится в её душе. – Ты хочешь, чтобы я сегодня встретилась с Ароном?

Паша затрясла головой, как бы невзначай отводя взгляд от испытующих глаз Лины.

– Нет! Всё, что я хочу – это то, чтобы тебе было хорошо. Я одобрю любое твоё решение. И я помогу тебе во всём, что бы ты ни задумала!

Лина улыбнулась. На душе стало спокойнее.

– Я хочу попытаться забыть Арона вместе с его сказками! Я хочу почувствовать вкус свободы, жизни без постоянных мыслей о нём! Я хочу интересоваться чем-то ещё. И хочу начать это прямо сейчас!

– Тогда пойдём ко мне! – потянула Паша за руку Лину. – Я вчера в прокате такой фильм взяла! Тебе точно понравится!

И девушки, весело хохоча, побежали по направлению дома Паши. Но Паша с грустью отметила, что смех Лины был каким-то неестественным. Раньше она смеялась по-другому. Словно подруга пыталась заставить и её, Пашу, и саму себя поверить в то, что ей действительно сейчас очень весело.

Паша жила недалеко от того кафе, в котором работали они с Линой, в двенадцатиэтажном доме на седьмом этаже. Лина часто бывала у подруги. Это была двухкомнатная квартира с довольно большой кухней, которую Паша любила больше, чем остальную часть помещения.

Здесь всё было прекрасно оборудовано. Длинный Т-образный стол, на конце которого располагалась раковина, стоял прямо посередине, так, что от центра стола до плиты было около метра. Паша говорила, что так удобнее готовить. Около плиты висело множество навесных шкафов, под которыми располагались тумбочки с большими рабочими поверхностями. У противоположной от плиты стены стоял удобный маленький диванчик, а над ним, подвешенный к высокому потолку, располагался плазменный телевизор, на экране которого Паша и предлагала Лине посмотреть взятый напрокат фильм. Вся мебель была из бука. Причём это был действительно бук, а не его имитация. Стены были выложены цветной плиткой, на которой, как мозаика, располагались картины с огромными цветами. Пол был паркетным. Карниз, такой же буковый, как и вся мебель, держал тяжёлые полотняные шторы – бежево-жёлтые, украшенный золотым шитьем, – и лёгкий полупрозрачный ослепительно-белый тюль.

Пока Паша хлопотала с обедом, Лина, поджав ноги, расположилась на диванчике, откинув голову на его высокую спинку, и закрыла глаза. Девушка сидела неподвижно, словно спала, в голове её появлялись разнообразные образы. Медленно погружаясь в какую-то полудрёму, Лина наблюдала странные картины, возникающие в её мозгу. Она была между явью и сном и в таком состоянии не могла сопротивляться мыслям и образам, лезущим в её голову. Она видела высокие шпили древнего замка, словно нависающего над пропастью, через которую перекинут мост. А на этом мосту толпилось огромное множество золотых статуй, так напоминающих живых людей, что если бы не жёлтые блики, вызываемые солнечными лучами по всей поверхности каждого из изваяний, то могло бы показаться, что все эти статуи – живые люди, играющие в какую-то странную игру, по правилам которой нужно было замереть и не шевелиться в течение некоторого времени. Лина наблюдала, как из ворот крепости, гордо вскинув голову, выходит красивый сероглазый юноша лет семнадцати. Он вышел из тени. Его длинные светлые волосы, прихваченные чёрной лентой, попали под лучи полуденного солнца и загорелись таким же золотым цветом, как и у изваяний, толпящихся на мосте. Страшный испуг сразил девушку.

– Арес! – прошептали её губы.

Лина резко открыла глаза, непонимающе уставившись на встревоженную Пашу. Она всё ещё не могла прийти в себя от странного видения, возникшего, когда Лина была в полубессознательном состоянии на границе яви и сна.

– Что? – Паша присела на корточки возле Лины, взяв гостью за обе руки. – Что ты сказала?

– Нет… – Лина оглянулась, и, увидев вокруг себя знакомую обстановку Пашиной кухни, облегчённо вздохнула. – Ничего!

Паша бросила на подругу подозрительный взгляд, но больше ничего не произнесла.

«Дожила! Грежу наяву!» – подумалось Лине. Надо же было такому привидеться. Арес… О-о-о! Лина готова была закричать, но подруга всё ещё внимательно смотрела в её глаза. Сможет ли она когда-нибудь отделаться от этого наваждения, или до конца дней её будут преследовать образы из историй, рассказанных Ароном? С этим нужно заканчивать!

– Ты обещала, что мы посмотрим фильм! – напомнила Лина подруге, попытавшись улыбнуться, но по взгляду Паши поняла, что не смогла обмануть её. Видимо, Лина не до конца уничтожила выражение ужаса, обуявшего её при виде золота в волосах Ареса, на своём лице.

– Мы посмотрим! – кивнула подруге Паша. – Только пообедаем сначала. Тебе нужно поесть. За последние… – Паша запнулась, но потом всё же продолжила: – месяцы ты очень осунулась.

Лина опустила глаза. Да, она знала. С тех пор, как Арон вошёл в её жизнь, она потеряла интерес ко всему, даже к любимым блюдам. Фрукты – это было единственное, что она за это время клала в рот, да и то зачастую раз в день, или даже раз в два дня. И это тоже доказывало ей, что пришло время отвлечься от юноши, который занял всё её сердце, до последнего уголка в нём.

Паша всё также внимательно следила за мелькающими на лице Лины отражениями её чувств, не выпуская рук подруги.

– Ты в порядке? – ласково спросила она.

Лина кивнула. Она не могла сейчас сказать «да». Она знала, что была далеко не в порядке, но подругу пугать не хотелось.

– Дать тебе полистать журнал? – спросила Паша.

Лина почувствовала волну благодарности. Подруга пыталась отвлечь её, хотя бы чем-нибудь, в то время как сама готовит ей, Лине, еду. А Лина при этом сидит на Пашином диване, поджав ноги и переживая невесть что. Подумаешь, сон! Мало ли что привидится, когда засыпаешь? Лина тряхнула головой, отчего её светло-русые волосы, до этого закинутые на спинку дивана, рассыпались по плечам.

– Может быть, я лучше помогу тебе? – предложила подруге Лина.

– Что? – замешательство отразилось на лице Паши. – Нет-нет, не нужно! – поспешно отказалась она. – Я уже практически всё сделала! Осталось лишь чуть-чуть обождать, пока плита доделает всё за меня. А ты бы пока журнальчик почитала!

– Ну, тогда… – Лина улыбнулась Паше, и на этот раз её улыбка была именно такой, которую так любила Паша – открытой и обворожительной. – Давай журнал!

Через пятнадцать минут девушки, смеясь и шутя, ели тушёные овощи, которые Паша умела готовить как никто другой. Паша вообще очень хорошо готовила. Она как-то сказала Лине, что закончила кулинарный колледж. Сразу после их знакомства Паша всё время пыталась привести подругу к себе и накормить чем-нибудь, но Лина боялась стеснить тогда ещё малознакомую девушку, и чаще отказывалась, чем соглашалась на её приглашения. В конце концов, Паша прекратила свои попытки, и Лина тогда вздохнула свободнее.

Горячая еда и непринуждённая обстановка сделали своё дело. Лина расслабилась. Впервые за многие дни она почувствовала себя в относительной безопасности, и на некоторое время даже образ Арона отодвинулся на задний план. Девушка откинулась на спинку дивана, странная сонливость обволокла, засасывая в дремоту. И стоило гостеприимной хозяйке отправиться в зал, чтобы принести кассету с обещанным фильмом, казалось бы, лишь на миг, Лина прикрыла глаза.

И не успела девушка смежить веки, как странное чувство накатило на неё. Сейчас она ощущала присутствие кого-то, кого очень хорошо знала. И этот кто-то пугал её до глубины души. Хотя нет… Пугал он её именно сегодня. Раньше за собой такого страха Лина не замечала. В её мозгу ещё не успело сформироваться слово, которым можно было назвать того, кто находился рядом, а она уже знала, перед кем предстала в этот миг.

– Я не позволю тебе разрушить весь мир! – его голос был прекрасен, почти также прекрасен, как и у Арона.

– Повелитель! – колени подкосились сами собой, голова упала, склонившись ниц, плечи ссутулились.

Нет! Это просто сон! Этого не может быть! Она нечаянно заснула на кухонном диване Паши. Да! Она закрыла глаза и… А раз это её сон, то она сможет изменить его! Все члены тела словно одеревенели, не позволяя ей выпрямиться. Лина с трудом подняла голову, затем огромным усилием воли расправила плечи и поднялась на коленях, но встать с них девушка не успела.

Огромные, выше человеческого роста языки пламени с неимоверной скоростью помчались прямо на неё. Лина широко раскрыла глаза и в ужасе закричала. Девушка уже забыла, что находилась в своём собственном сне. Страх сковал каждую частичку внутри неё. И в этот миг в море надвигающегося на неё огня появился вихрь, кольцами уплотняющий огонь по бокам и освобождающий пространство в центре. А в этом пространстве рядом со старым деревянным колодцем, обхватив руками прижатые к телу колени и склонив на них голову, тихо

сидел маленький мальчик в шёлковой сиреневой, украшенной серебром тунике, в разрезах которой были видны светло-серые шерстяные рейтузы. На ногах мальчика были обуты серые мокасины, а чёрные волосы прихвачены серебряным обручем. И от этого ребёнка исходила такая печаль, которая чувствовалась даже через море огня, омывающего открывшуюся перед Линой картину…

Глава 1. Признания

Во всём есть смысл, хотя порою он
От наших чувств и мыслей ускользает.
И в сей момент, души услышав стон,
Наш разум путь себе не расчищает
Для выхода из ступора проблем,
Наваленных иль духами, иль богом.
Живём мы в этот миг, и перемен,
Что ожидают вскоре за порогом,
Не ощущаем, словно будущего нет…

Отрывок из философских изысканий неизвестного автора
(из найденного в библиотеке хранителей
старинного экземпляра недописанной рукописи)

Арон сидел, обхватив руками колени и спрятав лицо, возле колодца, что находился поблизости от поселковой часовни Кизлири. Он медленно прокручивал в голове случившееся с ним за последнее время. Страх за Зойю – мать одного из его друзей, которая своею догадливостью чуть было не навлекла на себя смерть… Огненный шквал, почти спаливший его тело… Чудесное исцеление, которого он не помнил… И… Сердце больно кольнуло. Лина… Он был так близко! Казалось, стоило протянуть руку, и он смог бы прикоснуться к ней, но восход солнца спутал все его планы, обдав тело такой болью, которую Арон не ощутил даже в тот момент, когда дракон сжёг его почти дотла. Арон глубже спрятал лицо в колени. Время словно остановилось. Он снова и снова переживал тот миг – миг, когда на востоке небо окрасилось багровым сиянием, и голые пока ветви деревьев осветил первый солнечный луч. Не было вчера, не было завтра. Был только этот миг, когда душевная мука заглушила боль, свалившуюся на его тело. Он был готов ко всему – к боли, даже к смерти, но не к тому жуткому ощущению бессмысленности бытия, которое накатило на него в момент, когда он понял, что его попытка приблизиться к той, чей зов его сердце ощущало почти два года – с того самого момента, когда Лина появилась на свет, – была изначально обречена на неудачу. При всём своём желании Арон не смог бы успеть. А он мчался так быстро, как мог! Но он не смог добраться вовремя. В голову пришла мысль о том, что Лина в этот момент находилась вместе с Аресом – монахом, на плечи которого было возложено воспитание девочки. Так что в любом случае Арон не смог бы добраться до неё. А если бы и добрался, то Арес обязательно почувствовал бы его присутствие. А это было чревато тем, что он снова спрятал бы от него малышку, и Арон был бы вынужден возобновить свои поиски. И так будет снова и снова! О, боги! Арон оторвал лицо от колен. Вокруг было тихо. Зойя права, народа здесь мало. Арон вздохнул. Ему никак не удавалось прийти в себя после ночного путешествия. Арон вспомнил слова гномов о том, что повелитель будет не очень доволен его состоянием, и это точно не облегчит дальнейшие поиски возможности вновь увидеть ту, к кому так рвалась его душа. Именно эти слова жителей подземелий в тот момент подействовали на мальчика так, что тот смог выйти из состояния, в котором его душа уничтожала самою себя. Но сейчас эти слова более не работали. В сердце была разрастающаяся пустота, которую он не мог заполнить ничем, кроме воспоминаний о перенесённой душевной муке. Арон грустно усмехнулся. Всё возвращается на круги свои! Не так давно он вот также переживал отъезд маленькой годовалой девочки, которую Арес решил изолировать от него, предпочитая верить каким-то словам, которые вычитал на старых пожелтелых бумаж-

ках. Пророчество! Это слово довлело над Ароном практически всю его жизнь. На пророчестве были основаны все действия его воспитателей, на пророчестве была основана и его жизнь. Но почему он должен следовать какому-то пророчеству, содержание которого монахи-хранители, в храме которых его – Арона – скрывали от остальных жителей Долины Хранителей, Арону не соизволили рассказать? Кстати, то, что Арон не должен знать о написанном в манускриптах и на почти рассыпавшихся от времени папирусах, тоже было определено тем же самым пророчеством. Надоело! В который раз Арону пришла в голову мысль, что неплохо было бы самому ознакомиться с тайным пророчеством. Тем более что сейчас, когда Ареса нет в храме, это для Арона не составит труда. Ни один из жрецов храма, кроме, конечно, Ареса, не сможет соперничать с Ароном! О! Они слишком хорошо его учат! Арон криво усмехнулся. И даже не видя своего лица, понял, что усмешка получилась безрадостной.

Кто-то приближался к месту его уединения. Секунды Арону хватило на то, чтобы понять кто это. С обратной стороны от того места, где сейчас сидел Арон, к колодцу подходила Зойя. Та самая Зойя, которую неделю назад Арон неимоверными усилиями защитил от смерти в пасти великого дракона.

«Может, не заметит?» – сам не веря в это предположение, подумал Арон.

И чего она пошла именно к этому месту. Около её дома стоял другой колодец, менее ветхий. Вот там бы и набирала себе воду!

Но Зойя проследовала мимо Арона, даже не оглянувшись. Она шла вовсе не к колодцу, и не заметила маленькую фигурку мальчика, спрятавшегося за крытой деревом шахтой. Открыв маленькую дверку поселковой часовни, Зойя зашла внутрь.

«Не время для молитв…» – Арона заинтересовало поведение женщины. Сейчас она должна была заниматься своими делами, а не взывать к создателям или повелителю. Для этого были строго определены часы. Но никому ведь не запрещено молиться тогда, когда они вздумают. И Зойя могла просить повелителя о чём угодно и когда угодно. Хотя… Наверное, он услышал бы её ото всюду. Но она сама может об этом и не знать. Арон вспомнил насмешливые глаза Геона. Никто, кроме самого Арона, насколько было известно мальчику, не знал имени повелителя. И тем более не предполагал, каким образом он может слышать всех и сразу. Но… Арон сам пока не знал, как Геон это делает, хотя и не сомневался в том, что когда-нибудь и это станет ему известно.

Примерно через четверть часа дверь часовни снова открылась, и на пороге показалась заплаканная Зойя. Встретившись взглядом с Ароном, женщина замерла на месте. За одно мгновение на её лице промелькнула целая гамма чувств. Сначала оно выражало недоверие, потом удивление, надежду, и наконец, такую радость, которая живительным бальзамом пролилась на душевные раны Арона, позволив мальчику вздохнуть немного глубже и свободнее. Женщина, глаза которой моментально высохли, кинулась к Арону, упав возле него на колени и обхватив мальчика обеими руками.

– О, боги! – запричитала она. – Я каждый день молила повелителя о твоём возвращении! Это чудо! – глаза её вновь наполнились слезами. – Я была уверена, что ты не выжил! Да и как ты мог выжить, когда…

Внезапно Арона постигло озарение. Он вспомнил то, где он был в течение пяти дней после того, как дракон схватил его обожжённое тело своей огромной когтистой лапой. Он вспомнил, что именно он узнал за это время. О да! Недаром он пытался забыть всё это! Боль, преследующую его, когда шершавый язык чёрной рептилии облизывал его обгорелое тело. Боль, вызванную ядом великого дракона после того, как тот отравил мальчика своей слюной. И то море новых знаний и навыков, которые даровал ему повелитель… Лишь это спасло его от безумия! Арон взглянул на женщину. Теперь он знал всё – то, о чём догадывалась, о чём думала долгими вечерами, пока сердце её разрывалось от мысли, что Арон отдал за её жизнь свою. Он чувствовал море любви, нежности и восхищения, обращённой со стороны этой женщины к

нему. Он ощущал её, словно сам был ею. И её душа, в которой сочеталось так много светлого, смогла хотя бы на время притупить боль его души. Только сейчас Арон понял, что последняя неделя была прожита им не зря. Спасение того, кто умеет чувствовать и мыслить так, как делала это женщина, стоящая сейчас перед ним на коленях, судорожно обхватив руками его плечи, делала его жизнь хотя бы ненадолго, но значимой. Арон снова мысленно поблагодарил повелителя за посланные ему знания, и тот ответил ему насмешливым голосом Геона: «Я всё ещё благосклонен к тебе, сын мой!»

– Я здесь! – Арон отпустил свои колени и обнял Зойю в ответ. – Я вернулся!

Женщина села рядом с мальчиком. Теперь Арон чувствовал любопытство, всё более и более охватывающее её. Новые ощущения занимали мальчика. Было интересно и необычно чувствовать так, как это делает другой человек. Теперь он сможет лучше понимать тех, кто находится подле него! Он почти точно знал, какой вопрос задаст его собеседница ещё до того, как та смогла сформулировать его.

– Как ты смог выжить? – спросила Зойя. – Ты ведь почти целиком сгорел!

Арон вздохнул. Чтобы ответить ей, нужно было вызвать её доверие. Доверие, намного большее, чем та сейчас испытывала к нему. Доверие полное и беспрекословное.

– Я расскажу тебе об этом чуть позже! – пообещал женщине мальчик. – Но сначала мы поговорим о том, что известно тебе и мне. Тебе не стоит бояться, поблизости нет никого, кто мог бы подслушать наш разговор. – Итак, начнём с того, о чём известно тебе, – увидев протестующий жест Зойи, Арон ласково улыбнулся и быстро продолжил, не дав женщине озвучить то, что она хотела, а именно, не дав высказать мысль о том, что тем, кому она расскажет о своих предположениях, как и ей самой, грозит смерть, и приговор будет вынесен в момент, когда она откроет рот. – Ты воспитывалась в главном храме, и, будучи там, ты смогла выведать у друзей-послушников секреты, о которых положено знать только жрецам храма, – ты узнала содержание пророчества. В то время ты думала, что всё это сказки, и до поры, до времени благополучно забыла о них, выделив им место так далеко в своей памяти, что почти уже не помнила ни подробностей, ни даже основных моментов, освещённых в документах, оберегаемых хранителями. Ты видела предзнаменования, но не придала этому значения. Ты видела и то, что происходило в храме прямо перед твоим носом, когда привезла больного сына монахам в надежде вылечить его. Но и это не всколыхнуло твою память. И лишь слова Крима способны были разбудить, казалось бы, напрочь забытые тобой воспоминания. Но как только ты вспомнила о пророчестве, то, будучи очень умной женщиной, сопоставила всё, что происходило последние годы вокруг тебя. И ты поняла, что предопределено в будущем. Ты права в своих предположениях обо мне. Ты права, что я не знаю содержания пророчества, так как тебе, по-видимому, известно, почему от меня это скрывают. Или, во всяком случае, тебе известно то, что написано об этом в пророчестве. Мне же, увы, нет. И я не требую от тебя, чтобы ты раскрывала мне его содержание, как и не требую этого от Крима, – Арон глядел в совершенно изумлённые глаза Зойи. Женщина не ожидала, что избранный так просто откроет перед ней все карты. У неё были предположения, но теперь он превратил эти предположения в уверенность. – Но никто, кроме меня, Крима и, конечно, повелителя, не знает о том, какими знаниями обладаешь ты. Поэтому я не рекомендую тебе говорить с кем-либо, кроме нас, о том, что тебе известно. Более того, я не рекомендую говорить об этом с Кримом, если меня не будет рядом или если ты доподлинно не убедишься, что никто вас не подслушивает. – Арон снова взглянул в глаза Зойи, и уже не отводя взгляда, почти шёпотом продолжил. – Мне нужно полное твоё доверие, чтобы и я смог довериться тебе! Потому что, если ты проболтаешься, тебя просто убьют. Твои мучения будут длиться не более нескольких минут, а затем ты возродишься вновь в теле какого-либо пухлощёкого младенца. Мне же так не повезёт! – в глазах Арона загорелся огонь, вызванный воспоминанием душевной боли, испытанной им в тот момент, когда повелитель наказал его за ошибки, приказав дракону убить на его глазах тех, кто был причастен к

случившемуся. Арон знал, что не допусти он промашек, эти люди сейчас были бы живы, и он не увидел бы обезображенного тела мальчика и умирающего в муках воина. Эта картина до сих пор преследовала Арона, не давая ему спокойно спать и отравляя каждый момент его жизни. И Арон был совсем не уверен в том, что сможет когда-либо забыть урок, который преподал в тот день ему Геон.

Зойя же расценила выражение карих глаз Арона как страх. Она помнила, как поступил с ним чёрный дракон за единственную просьбу – оставить её в живых. На лице женщины читалось понимание и сочувствие, но Арон был почти уверен в том, что Зойя даже предположить не может, чем именно вызван страх мальчика перед возможностью её невольной неосторожности, и она поклялась себе никогда не разглашать тайну, которую охраняли жрецы храма. Арону было нужно именно то, чтобы женщина твёрдо понимала, что если она проговорится, то отвечать за это придётся не только ей, а это она хорошо поняла.

– Я не поблагодарила тебя за спасение! – в голосе Зойи отражалась любовь, заполнившая в этот момент её душу. – Ты пожертвовал собой…

– Ну уж нет… – возопил Арон во весь голос; ему вовсе не импонировало слушать длительное выражение благодарности со стороны матери Вилона. – Я пока ещё жив!

– Ну да, конечно… Но… – Зойя всё же хотела продолжить, но Арон всерьёз вознамерился помешать ей.

– А раз я жив, – продолжил Арон, не слушая её возражений, – то я никем не жертвовал!

– Но ты собирался! – выпалила женщина, на сей раз не позволив мальчику заставить себя замолчать.

Арон вздохнул. Всё бесполезно. Сейчас она примется пережёвывать его так называемый подвиг. Внезапно в голове мальчика промелькнула мысль. Нужно применить другую тактику!

– А где Вилон? – спросил он.

Волна грусти, охватившей Зойю, захлестнула Арона.

– Вилон… – женщина опустила голову. – Его очень расстроило твоё новое исчезновение. Он сидит дома и дуется на весь мир.

– Тогда, я думаю, нам стоит поспешить к нему! – расплылся в улыбке Арон, но вдруг на него накатила странная нерешительность. Внезапно Арон подумал, что Вилону могли наскучить его слишком частые исчезновения, и друг мог попросту сильно обидеться на него. – Ведь он обрадуется моему появлению? – робко спросил мальчик, повернув голову в сторону сидящей подле него женщины и заглянув ей в глаза. – Он не сильно обижается на то, что я всё время куда-то пропадаю?

– Н-не знаю… – видно было, что Зойя пытается скрыть свою неуверенность.

– Моя догадка верна? – взгляд Арона стал твёрже, теперь он требовал правдивого ответа на свой вопрос. – Он обиделся?

– Да! – Зойя вздохнула, опустив глаза, она больше не могла выдерживать взгляда мальчика. Ведь его исчезновение явилось следствием того, что Вилон не стал сиротой, а она даже объяснить этого сыну не может. Ведь стоит ей только открыть рот, как исчезнет с лица земли не только она, но и Вилон, и, возможно, Арон. Хотя даже если Арон и останется жить, то жертва, которую он принёс ради неё, станет бесполезной…

– Ну тогда… – протянул Арон уже более миролюбиво, – мне нужно постараться изменить эту ситуацию. Не могу же я потерять друга!

Мальчик встал и подал руку Зойе.

– Пошли! – позвал он.

Та, приняв помощь, встала и благодарно улыбнулась мальчику. Но внезапно какая-то тень промелькнула на её лице.

– А в храме знают, что ты жив? – с подозрением спросила она.

– Нет! – покачал головой Арон. – Но я думаю, скоро узнают!

– Ты представляешь, как волнуется Крим? – голос Зойи перешёл в визг.

Арон окинул женщину удивлённым взглядом.

– Конечно, он волнуется, но в отличие от Вилона, ему известно, что я уже ни раз попадал в подобные ситуации. Он более чем уверен, что я выжил и когда-нибудь соизволю возвратиться в главный храм. – Арон пожал плечами. – Так что тебе не стоит об этом сильно печалиться. Тем более что сейчас, – Арон взглянул на небо, оценивая положение солнца, – полдень. И Крим находится у своих учителей. Несколько часов неведения к той неделе, пока меня не было, ему не сильно повредят.

– Несколько часов неведения? – Зойя задыхалась от нахлынувших на неё чувств. – Да ты знаешь, что испытал мальчик, когда ты пропал? Он ни ест, ни пьёт, и я даже не помню, когда он последний раз улыбался. К тому же несколько часов – это довольно большой промежуток времени, за который ты должен будешь добраться до храма! Даже на лошади…

– У тебя есть предложения? – Арону начал надоедать её крик. Хотя он и чувствовал, что она не злится на него, но громкий звук высокого голоса женщины немного раздражал. Тем более что он ещё не до конца отошёл от всего, произошедшего с ним за последние дни.

– Конечно! – Зойя кивнула. – Сейчас Кириям собирается в храм. Он хотел взять с собой Вилона. Если ты поедешь с ними, у тебя будет время помириться с Вилоном, да и такая поездка существенно сократит твой путь домой.

– Угу, – Арон вздохнул. Он-то собирался воспользоваться гномьими ходами, так что навряд ли поездка заняла бы меньше времени. Но если Вилон сейчас собирается уезжать, то, возможно, предложение Зойи является наилучшим вариантом на сей момент. Всё равно поиграть с другом здесь он не сможет, так хотя бы пообщается в дороге. – Хорошо, я поеду с ними. Так мы пойдём или так и будем стоять здесь? – Арон хитро улыбнулся.

– Конечно! – рассмеялась Зойя на улыбку мальчика.

За прошедшую с того момента, как Арон покинул Кизлирь, неделю, снег стаял вовсе. Тёплое весеннее солнышко пригревало ещё холодную землю. То здесь, то там пробивалась по-весеннему ярко-зелёная трава. Земля была влажной. Кое-где оставались неглубокие лужи. Нужно было смотреть под ноги, чтобы не намочить их, но Зойю это, видимо, мало интересовало.

– Кстати, сегодня ты одет намного лучше, чем в прошлый раз! – вновь заговорила женщина.

Арон усмехнулся. Даже страх перед промокшей обувью не мог заставить Зойю закрыть рот. Крим прав, эта женщина чрезвычайно разговорчива!

– Да, – кивнул он на замечание матери друга. – Меня переодели!

– Кто? – быстро спросила она.

Арон вздохнул. Ну что же… Он обещал довериться ей. Пришла пора выполнять обещание.

– Гномы! – ответил мальчик.

– Гномы? – Зойя на секунду остановилась, но увидев, что Арон не замедлил шага, снова пошла в сторону своего дома.

– Да, гномы! – кивнул Арон. – Я как-нибудь представлю тебе их. Если, конечно, ты не будешь забывать того, что к гномам не следует прикасаться.

– Нельзя трогать? – Зойя на секунду замолкла, задумавшись над сказанным Ароном. – И сколько ещё всего вокруг, о чём мирные люди даже не подозревают? – покачала она головой. – Удивительно!

– На самом деле всё вокруг – это то, о чём мирные люди не подозревают, – засмеялся Арон. – Человек знает лишь то, что видит. Если что-то проходит мимо его взгляда, это для него навряд ли способно существовать.

– Ты, кстати, так и не ответил на мой вопрос. Как тебе удалось выжить? И где ты был всё это время? – Зойя едва успевала за мальчиком и то, что она говорила почти без умолку, не помогало ей не сбить дыхание. В конце концов, женщина начала задыхаться, это заставило её ухватить за руку Арона, чтобы хотя бы немного замедлить его шаг.

Мальчик скосил взгляд на идущую подле него женщину и, заметив её состояние, пошёл медленнее.

– Это уже два вопроса, – произнёс он. – И второго ты не задавала. Но… – Арон сжал руку Зойи, призывая ту дослушать его до конца. – Я попытаюсь ответить на оба. Как мне удалось выжить? Я точно не знаю, но предполагаю, что великий дракон отнёс меня куда-то и там начал моё лечение. Я плохо помню, что это было. В то время я почти всегда был без сознания. Очнулся я… – Арон запнулся, что-то внутри мешало ему сказать женщине, что он был в пещере дракона, и Арон продолжил: – среди гномов. Они смывали с меня какие-то мази. Чувствовал я себя практически хорошо.

Арон замолчал, он не желал вспоминать сейчас о Лине, да и не был уверен в том, что это стоило делать в этот момент. Примерно полминуты длилось молчание. Видимо, даже Зойе не пришло в голову, что можно ответить на столь краткий отчёт. Но спустя полминуты Зойя произнесла:

– Опять эти гномы… Они какие?

Арон устал всем, кто сталкивался с гномами, объяснять, что гномы – это вовсе не маленькие существа, живущие в дуплах деревьев, как повествовали детские сказки. Поэтому он просто ответил женщине:

– Я познакомлю тебя с ними. Помнишь, я обещал?

– Да! – Зойя улыбнулась, но как-то безрадостно. Наверное, она всё ещё была под впечатлением рассказа Арона о последней неделе его жизни. Сказал он мало, но прозвучало это как гром. Зойя видела, в каком состоянии забрал мальчика дракон, и она живо представила, какие ощущения должны были быть у ребёнка, идущего возле неё, чтобы он целую неделю провёл без сознания. А Зойя была уверена – Арон очень сильный мальчик.

У порога дома Кирияма и Зойи Арон резко остановился, дёрнув за руку хозяйку.

– Подожди! – попросил мальчик. – Дай перевести дыхание!

Зойя с сомнением уставилась на Арона. Не было похоже, что дорога для него стала проблемой. Дыхание мальчика было размеренным и ровным. Арон нерешительно взглянул на Зойю.

– Мне нужно привести в порядок чувства. Я не должен слишком сильно реагировать…

Внезапно Арон замолчал. В глазах мальчика промелькнул испуг. Он только сейчас вспомнил, что с момента, когда он был унесён драконом из Кизлири, ничего не ел. Это практически неделя.

– Что случилось? – прошептала Зойя, женщина ни разу в жизни не видела Арона в таком состоянии. Сейчас он был похож на загнанного зверя.

– Я опасен… – только и смог произнести мальчик.

– Правда? – Зойя улыбнулась, но, когда увидела сосредоточенный взгляд Арона, улыбка сползла с её лица. – Почему ты сказал это?

– Я… – Арон глубоко вздохнул. – Я… Прости, я ненадолго! – и опрометью бросился в сторону леса.

Женщина долго провожала его взглядом, потом грустно улыбнулась каким-то своим мыслям и вошла в дом.

Арон со всех ног нёсся в лес. Прежде чем увидеться с другом, тем более с рассерженным на него другом, он должен поесть. Он хорошо помнил, как однажды, будучи голодным, на учебном поединке чуть было не прикончил Главного Жреца храма воинов церкви. Тогда у него просто сработал инстинкт. Он видел перед собой не учителя, а жертву. Но тогда он не ел менее

суток. Не семь дней, как было на этот раз! Арон быстро метнул кинжал в прячущегося от него в кустах кролика, в течение нескольких секунд мальчик освежевал добычу, выложил из камней круг для кострища, затем разжёг огонь, выстругал из сырой ветки штырь, и, насадив на штырь тушку кролика, стал зажаривать того на костре.

Едва почувствовав запах жаркого, Арон по-настоящему ощутил свой голод. Запах мяса дразнил, манил его к себе. Сейчас он готов был поглотить кролика целиком и даже сырым. Да! Он был голоден, слишком голоден. Арон безотрывно смотрел на добычу. Сила воли покидала его. В конце концов, он – чудовище, зверь, очень голодный зверь. Так чего же ему стесняться своих инстинктов? Ему претит сырое мясо? Не сегодня! В груди Арона что-то зарычало…

На миг шум огромных крыльев заглушил голос голодного зверя внутри мальчика. Арон поднял голову. Прямо над ним, вытянув шею в его сторону, парил чёрный дракон. Мальчик наблюдал, как гигантская рептилия круг за кругом приближается к нему, внимательно наблюдая за ним. Дракон шумно приземлился на поляне возле кострища, повернул голову к жарящемуся на огне кролику и полыхнул на того таким снопом пламени, что маленькая тушка едва не сгорела дотла. Арон подошёл к дракону, нежно обхватил его опущенную почти до самой земли морду, прижавшись к ней всем телом и тихо прошептал:

– Спасибо тебе, друг!

Потом подбежал к костру, обжигаясь, схватил поджаренную тушку и с наслаждением впился в неё зубами. В считанные секунды закончив трапезу, Арон снова поднял голову к небу. Взлетевший в тот момент, как мальчик отпустил его, зверь, всё также кружил над поляной, наблюдая за улыбающимся во весь рот Ароном. Мальчик помахал дракону рукой и припустился к дому Вилона, моля богов, чтобы Кириям дождался его и позволил путешествовать в повозке с его сыном и другом Арона – Вилоном.

Арон на секунду остановился возле дома Кирияма, затем робко постучал. Он мог предвидеть, как его встретит Вилон, но всё же был немного разочарован подготовленным ему приёмом. В комнате, куда вошёл Арон, находились все члены семейства – Кириям, Зойя и Вилон. Арон застал их за сборами. На лице друга не было никаких чувств, которые свидетельствовали бы об удивлении личностью гостя. Видимо, мать успела сказать Вилону о том, что встретила Арона возле часовни. В душе Вилона читалась затаённая обида, он ощущал себя брошенным и никому не нужным. На миг Арон даже немного растерялся, почувствовав нарастающий от одного его присутствия гнев в сердце сына возницы. Одно его исчезновение – это ещё ничего. Но второе, которое последовало незамедлительно за первым, заставило Вилона задуматься о том, действительно ли Арон считает его своим другом.

– Добрый день! – как можно более миролюбиво обратился Арон к Кирияму, скептически смотревшему на незваного гостя.

– И тебе того же, малец! – прозвучал немного грубоватый голос в ответ.

– Я могу просить тебя доставить меня в храм? – робкий вопрос Арона немного развеселил хмурого Кирияма.

Мужчина рассмеялся в голос, и такое начало не очень понравилось гостю.

– Ты хочешь, чтобы я взял тебя с собой? – хохоча спросил Кириям.

Арон кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Он не мог даже предположить, что отец Вилона может сказать ему «нет». Жители храма пользовались особым почтением среди населения Долины Хранителей, и никто и никогда не мог отказать им в какой-либо просьбе. Но судя по настроению Кирияма, мальчик сейчас услышит именно отказ.

– Тебе не кажется, что мой сын уже достаточно обижен твоим отношением, чтобы не ехать с тобой в одной повозке? – веселье слетело с лица Кирияма, теперь оно было серьёзным и даже немного жестоким. – А Вилон собирается ехать со мной, чтобы встретиться со своим настоящим другом – Кримом. Ведь он никогда не бросал его, не предупредив о том, что должен уйти.

Арон взглянул на открывшую было рот Зойю и медленно покачал головой, запретив женщине что-либо говорить в свою защиту.

– Ты можешь спросить лошадь у главы поселения. Не думаю, что он тебе откажет, – посоветовал Кириям. – Прошу тебя лишь об одном – езжай подальше от нас!

В душе Арона нарастала боль и какое-то странное чувство гнева, которое он пытался победить. Ни Кирияму, ни Вилону неизвестно, по какой причине он должен был исчезнуть. Они просто сделали неверные выводы, и сделали их по незнанию своему. Арон ещё раз взглянул в грустные глаза Зойи. Она жалела его, но сделать ничего не могла, ведь стоило ей открыть рот, и все, кого она любила стали бы обречены на смерть.

Арон сглотнул. Сейчас было не время завоёвывать расположение Кирияма. Сначала нужно было примириться с Вилоном, а присутствие его отца никак не позволяло сделать это.

– Спасибо за честный ответ! – улыбка у Арона получилась очень грустной, такой грустной, что на какой-то момент даже Кириям пожалел мальчика, но потом, взглянув на собственного сына, снова уверился в правильности своего решения. – Думаю сегодня не лучшее время для того, чтобы надоедать тебе более. Пусть боги будут благосклонны к тебе и твоему семейству! – Арон чуть-чуть склонил голову, выражая почтение отцу своего друга, и не дождавшись ответа, быстро покинул дом.

Конечно, можно было бы пойти по гномьим ходам, и прибыть в храм намного раньше Кирияма, но Арон решил на этот раз всё сделать по-другому. Ему отказали в помощи, и он пойдёт в храм пешком. Пусть Кириям и не возьмёт его по пути, но совесть всё же заговорит в возчике, и ему станет неудобно от того, что маленький мальчик, которому он отказал в месте в телеге, пошёл в столь дальнее путешествие на своих двоих. Но теперь уже Арон не собирался соглашаться ехать с Кириямом даже в том случае, если тот сам позовёт его. Нет! Пусть совесть немного помучает поселянина. Долгие века, в течение которых жителям Долины Хранителей внушалось уважение и почитание к обитателям храма, не должны были пройти даром. И душевные муки Кирияма, вызванные пониманием неправильности его действий, только помогут Арону установить с ним добрые отношения. Это проложит мост между ним и Кириямом, а, следовательно, даст возможность быстрее помириться с Вилоном, в душе которого Арон сейчас читал не только обиду, но также тоску. Друг соскучился и где-то глубоко в сердце жаждал примириться с Ароном, но пока побеждала обида, это было невозможно. Арон усмехнулся. Ну что же? Это будет длиться недолго! И Арон быстрым шагом направился в сторону храма.

Солнце в этот день, по-видимому, решило согреть землю настолько сильно, как только могло. Арон отправился в путь примерно через час после полудня. Путь к храму шёл на юго-запад, и небесное светило, заняв положенное место на небосклоне, сильно слепило глаза, заставляя мальчика жмуриться. Дорога была хорошо расчищена. Поблизости от поселения она была грунтовой, и лишь вблизи храма послушники выкладывали дорогу булыжником, два раза в год проверяя состояние камней. Теплоту грунта Арон ощущал прямо сквозь мокасины на своих ногах. Солнце делало своё дело. Тепло и свет – это то, чем оно могло одарить окрестные земли в это время года. По сторонам дороги начала появляться зелёная трава, яркий, сочный цвет которой радовал глаз. Не прошло и получаса, как Арон начал свой путь, и настроение его кардинально изменилось. Теперь всё казалось ему настолько хорошим, что он мог бы даже запеть. Птицы весело щебетали вокруг, чувствуя прекрасный настрой путника, где-то рядом бегала пара зайцев, мошкара водила свой хоровод. Даже молодой, ещё не успевший отрастить рога, годовалый олень радостно бежал по лесной тропе в нескольких метрах от путника. Сейчас Арон был сыт, доволен и счастлив. Мальчик разглядывал набухшие почки, вспоминая, как быстро они распустились в прошлом году, осыпав цветами плодовые деревья в храмовом саду. Сейчас Арону не хотелось вспоминать что-либо, связанное с трудностями, постоянно возникающими в его жизни. Мальчик в этот миг жил лишь этим моментом, ощущением счастья, подаренным ему окружающим его миром. Он подставлял лицо солнцу, и, закрыв глаза, просто

счастливо улыбался всему, что было вокруг. Проезжающие в сторону храма повозки он пропускал, вежливо отклоняя предложения довезти, а со встречными раскланивался, заявляя в ответ на высказанное желание развернуться и доставить мальчика в храм, что сможет найти попутный транспорт, которого здесь ездит немало. А потом снова шёл, шёл, шёл, думая, как замечательно просто идти туда, куда хочется, и при этом никуда не спешить и не стараться сделать свой путь короче.

Примерно через час после того, как Арон пустился в путь, его догнала повозка Кирияма. Арон чувствовал приближение тех, ради кого отправился в дорогу, и как бы сильно ему этого не хотелось, мальчик не обернулся в сторону друзей. Он ждал, пока повозка Кирияма поравняется с ним.

– Арон! – услышал путник оклик Кирияма за своей спиной. Лишь после этого Арон повернул голову и одарил возчика с сыном, уже поравнявшихся с ним, ослепительно счастливой улыбкой. Теперь он был даже благодарен Кирияму за то, что он открыл перед ним столько радости, сколько только могло вместить в себя сердце маленького Арона. – Арон, – Кириям не смог не улыбнуться в ответ; да и никто бы не смог устоять перед улыбкой Арона. – Тебе не стоило путешествовать пешком!

– О! – смех Арона зазвучал переливом множества колокольчиков. – Я просто наслаждаюсь первыми лучами весеннего солнца. Всё здесь так восхитительно! – в карих глазах Арона горели радостные искорки. – Посмотри вокруг! Природа, она просыпается и тянется к свету и теплу.

Кириям с удивлением воззрился на Арона. Он пустил коня шагом, чтобы не обогнать мальчика, и спросил:

– Тебе нравится идти пешком по этой дороге?

– О, да! – кивнул Арон. Ему больше не хотелось будить совесть в своём обидчике. Сейчас Арон желал только одного – чтобы все вокруг него были бы так же счастливы, как и он сам. А этих людей он любил. Любил, наверное, даже больше, чем самого себя.

– И ты собираешься пройти пешком весь путь до храма? – задал новый вопрос Кириям.

– Не знаю, – пожал плечами Арон. – Если я захочу, то, наверное, смогу остановить любого, двигающегося в сторону храма. Сейчас очень многие едут туда. Тем более что все они предлагают меня довезти!

– Хм… – Кириям пытался что-то решить, но решение, по-видимому, не приходило в его голову. – А ты можешь сказать, чем ты так покорил мою жену, что она только и твердит о том, что Вилон не должен держать на тебя обиду? – внезапно спросил Кириям.

Арон поднял голову, взглянув в глаза возчика. Весёлые искорки ещё ярче загорелись во взгляде мальчика.

– Твоя жена – мудрая женщина. Возможно, она предполагает, что я не просто неделю прогулял неведомо где? – иносказательный ответ Арона не очень понравился Кирияму.

Арон бросил взгляд на сидящего в углу повозки Вилона. Тот молчал, но заинтересованно слушал их разговор, изо всех сил изображая скуку.

– Но ты ведь мог предупредить! – на этот раз возмущение вернулось к Кирияму. – Но ты просто ушёл якобы для того, чтобы помочь Зойе принести воды, попросив никого не следовать за вами, а потом исчез. Стой! – Кириям резко остановил повозку. – Зойя была в тот момент с тобой! – в глазах его прочиталось понимание. – И она что-то знает…

Арон вздохнул. Ну вот, опять начинается.

– Я думаю, тебе не стоит это выяснять! – осторожно посоветовал мальчик. – И, если моего совета тебе будет мало, ты можешь получить и приказ.

– Ты выполнял какое-то поручение храма, которое пришло к тебе именно в тот момент, когда ты вышел с Зойей, а ей было запрещено разглашать то, что произошло! – догадался Кириям, проигнорировав слова мальчика.

Вилон вскинул голову, вглядываясь в лицо Арона. Он так хотел подтверждения догадки отца, что уже не скрывал своего интереса к разговору.

– Что-то вроде этого! – облегчённо вздохнул Арон. Как же хорошо, что Кириям не обладает проницательностью жены!

– И ты, конечно, не можешь рассказать, что именно случилось в тот день возле часовни? – хитро сощурился Кириям.

– Нет! – мило улыбнулся Арон. – Не могу!

– Но это же меняет дело! – не выдержал Вилон. – Ты не виноват! Полезай к нам! Па-а-а-ап… – лицо мальчика просящее уставилось на отца.

– Ну и мастер ты выкручиваться! – рассмеялся тот, подмигивая Арону. – Ладно, ты прощён!

И Арон, забыв о своём решении не ездить вместе с Кириямом и Вилоном, живо забрался на предложенное ему место, развалился на охапке сена и радостно замурлыкал весёлую песенку, которую слышал от Ареса, когда тот ещё был безымянным.

Арон знал, что скоро наступит время посевов и Кириям вместе с семьёй, в основном, будет занят на полях, а сейчас множество повозок ездят взад и вперёд, перевозя из закромов, устроенных храмом, зерно, из которого вырастет новый урожай. Именно сейчас Вилон был относительно свободен. Арон подумал, что мог бы попросить Верховного Жреца храма – брата Феона – оставить на время Вилона рядом с ним.

– Эй! – Арон почувствовал толчок под ребро и поднял голову, взглянув на расплывшегося в улыбке Вилона. – Ну, давай, рассказывай!

– Что рассказывать? – Арон сел, придвинувшись к другу.

– Ну… – Вилон сделал вид, что задумался, почесал подбородок, изображая взрослого мужчину. И когда, наконец, ему надоело паясничать, произнёс: – Где был, чем занимался?…

– У-у-у… – Арон повторил все действия Вилона. – Был в лесу, потом на окраине одного города. Пытался найти недостижимое.

Грусть промелькнула в глазах Арона. Сейчас он вспомнил о той маленькой девочке с огромными синими глазами, к которой так желал прикоснуться.

– Не нашёл? – догадался Вилон.

– Нашёл! – вздохнул Арон. – И сразу потерял…

Вилон сочувственно смотрел на друга. Мальчику не нравилось выражение глаз Арона. Только что они искрились весельем, а теперь… теперь в глазах друга была такая глубокая грусть, что невозможно было понять, как может вместиться столько переживаний в маленьком мальчике.

– Ладно, забудь! – Вилон толкнул Арона, отчего тот снова повалился на мягкое сено.

– Заканчивайте возню! – хрипловатый недовольный голос Кирияма заставил друзей вздрогнуть. – Лошадей перепугали!

Подумав о том, что лошади перепугались вовсе не того, что он свалился на спину, Арон решил оставшуюся часть пути контролировать свои чувства.

– Ладно, пап… – Вилон подполз к вознице. – Мы постараемся потише.

Кириям опустил правую руку на голову сына и слегка взъерошил его волосы.

– Вот таким ты мне больше нравишься, сынок! – нежность в хриплом голосе возницы окатила теплом сердце Арона. Мальчик подумал, что, наверное, приятно иметь отца, который вот так, просто может погладить тебя по голове. Арон усмехнулся. Единственное существо, которое посмело когда-либо дотронуться до его головы, кроме парикмахера, конечно, – это Геон – повелитель этих земель, имени которого никто из живущих не знает и никогда не узнает. Геон… Арон задумался. Наверное, именно он с его добротой и вечной насмешливостью более всего, по мнению Арона, подходил на роль отца. Ласковая улыбка тронула губы мальчика. Да… Геон – идеальный отец, отец всех, кто находится в его власти. Заботливый, всепрощающий, но

твёрдый. Он относится к людям так же, как и Кириям относится к своему сыну. Хотя… Арон вспомнил обезображенное тело мальчика-вора и жуткие крики умирающего в пасти дракона солдата. Геон не всегда так добр.

Мысли Арона прервал новый толчок под бок. Мальчик скосил глаза на Вилона, усевшегося рядом.

– У тебя странное выражение лица! – Вилон светился от счастья. – Как будто ты желаешь обнять весь мир, а рук не хватает!

Арон расхохотался. Он резко вскочил и заключил друга в свои объятья.

– Видишь? Мои руки достаточно длинные, чтобы обхватить тебя! – радостно выкрикнул Арон. – А ты для меня сегодня – целый мир!

Глава 2. Открытие сокрытого

От избранного не сокроешь знаний.
Пытливый ум узнает обо всём.
Но максимум приложено стараний
Им быть должно, чтоб разобраться в том,
Что от него упрятано жрецами.
И коли лёгок будет путь его,
То тяжесть непомерная над нами
Нависнет. Пусть не будет ничего,
Чтоб поиск истины могло ему облегчить…

Из древней книги пророчеств св. Алексиса, гл. 10, стих 5.

В храм Кириям, Вилон и Арон прибыли практически перед самым закрытием врат, едва успев проскользнуть в закрывающиеся створки. Мальчики в это время возились в повозке, и стражник не заметил Арона, закопанного Вилоном в сено. Арон, воспользовавшись ситуацией, тихонько проскользнул в двери храма, а затем по совершенно пустому коридору проскочил в свои покои. Не раздеваясь, Арон лёг на кровать и потянулся. День был длинным, если считать и ту бессонную ночь, которую он провёл в поиске Лины. Лина… Арон вздохнул. Почему они так упорно стараются спрятать её от него? Арон был уверен, что не опасен для этой девочки. Он видел глаза Ареса, когда тот вошёл в комнату с младенцем и нашёл свою подопечную в руках Арона. Во взгляде Ареса были многие чувства, но испуга за жизнь избранной там не было. Но если их встречи не угрожают ей, то кому они угрожают? Арон был уверен, что ответы на все его вопросы содержатся в том самом пророчестве, содержание которого так старательно от него скрывают. Пророчество… Зойя! Арон резко сел на своей постели. Женщина знала, что написано в древних письменах, а Крим знал о том, что ей известно. Нет! Арон даже засмеялся своему предположению. Крим не выдаст мать Вилона. Тем более что сейчас он считает, что Арон исчез и не имеет доступа к этой женщине, а значит, никакой опасности нет! Арон снова свалился на свою кровать. Крим не предаст. Он хоть и предан церкви, но он не сможет без особой необходимости обречь своего друга на сиротскую судьбу. Ведь самому Криму очень хорошо известно, что означает остаться сиротой. Арон перевёл дыхание. Страх за судьбу матери друга так сжал все его внутренности, что сейчас, когда он был почти уверен, что всё уже хорошо, ему стало больно дышать. Он смог спасти её от дракона. Сможет ли он спасти её от людей? Сейчас Арону эта задача казалась более трудной, чем предыдущая. Для того чтобы не дать огромной рептилии убить Зойю, достаточно было лишь встать между ними. Здесь же… Арон снова глубоко вздохнул. Но пока Крим будет молчать (а с Кримом-то он сможет справиться), всё будет довольно сносно.

Успокоившись относительно судьбы женщины, Арон повернулся на бок и моментально заснул прямо на покрывале, не сняв с себя даже мокасин.

Арону снились заснеженные вершины гор, над которыми несли его чёрные крылья, заброшенный старый замок над пропастью, горящие красным пламенем глаза гропунов и юноша в походных одеждах, несущий в специальном заплечном рюкзаке двухлетнюю девочку, из-под чепчика которой выглядывали светло-русые кудряшки. Лина… Лина и Арес. Он уносит её снова, оставляя прежнее место жительства. Арон был уверен, что Арес не успел заметить его. Гномы вовремя заслонили мальчика своими спинами. Но Арес увидел гномов. И хотя в том

месте живёт множество гномов, но, насколько было известно Арону, они не выходят наружу. Именно это, должно быть, насторожило Ареса. И этого оказалось достаточно, чтобы тот снялся с места и увёл свою воспитанницу. Внезапно в голову Арона закралась мысль, что Арес не сможет унести её далеко. Во всяком случае, он не спрячет её дальше Великой Эрдинии, а там Арон сможет её найти. Но на этот раз нужно быть настолько осторожным, настолько выверить каждое своё действие, чтобы не спугнуть Ареса вновь. Ведь он может покинуть ближайший мир и поселиться в любом из семи миров, о котором когда-то рассказывали Арону гномы. А Арон уже начал догадываться, что найти Лину он сможет только в том случае, если точно будет знать, в каком из миров находится девочка. Пока ему это неизвестно, и пока он не знает путь в эти миры, он не в силах будет почувствовать Лину… Значит, Арес на всякий случай решил перепрятать девочку. Но Арес не знает о том, что Арон в состоянии почувствовать родственную душу. Арон в состоянии найти подопечную Ареса в тех местах, куда направляется единый в трёх лицах.

Стоило только Арону сделать последний вывод, глаза мальчика открылись. Он взглянул в окно. Солнце уже окрасило горизонт.

– Спасибо! – прошептал Арон, сам не зная кому.

– На здоровье! – прозвенел в его мозгу весёлый голос Геона. – И помни…

Арон улыбнулся.

– Да, помню! – заверил мальчик повелителя. – Ты всё ещё благосклонен ко мне!

– Точно! – смех Геона медленно удалялся, пока совсем не затих.

Мягкий поток воздуха заставил Арона повернуть голову. Дверь была открыта, и в её проёме стоял Крим.

– Господин! – Крим в поклоне склонил голову. – Здоровья тебе и счастья!

Арон уже было открыл рот, чтобы прервать приветствие друга традиционным «Я – Арон! Помнишь?», но вдруг за спиной того увидел какого-то человека в одежде жреца. Арон знал почти всех обитателей замка, но этого видел впервые.

– И ты здравствуй и процветай! – одновременно садясь на своей кровати и кланяясь Криму одними глазами, произнёс мальчик ответное приветствие. Арон перевёл взгляд на монаха за спиной Крима. – Здоровья и тебе! – пожелал он жрецу.

Тот вышел из-за спины послушника и склонил голову.

– Здравствуй, господин!

Арон ещё раз опустил глаза, но через мгновение уже пристально смотрел на сухощавого жреца. На вид тому было около двадцати трёх лет. Как и многие в Долине Хранителей, он был очень светлым блондином со светло-голубыми, водянистыми глазами. Острый нос, тонкие губы, волевой, чуть выдвинутый вперёд подбородок. Арону этот жрец показался излишне самоуверенным. В первый момент мальчик смог засечь чувства монаха, хотя он, как и все в этом храме, хорошо умел скрывать свои чувства и мысли.

Арон соскочил со своей постели, но, когда Крим захотел переодеть его в чистую одежду, он жестом остановил послушника.

– Думаю, мне нужно сначала вымыться! – более холодно, чем хотел, произнёс мальчик, и тут же пожалел об этом. Взгляд Крима погрустнел.

– Я приготовлю тебе воду, господин! – послушник уже было собрался выйти за дверь, как Арон снова остановил его.

– Нет! Постой! – тихо сказал он. На этот раз интонация была более доброй. – Ты нужен мне здесь. Я думаю тот, кто пришёл с тобой сюда, вполне в состоянии попросить какого-нибудь послушника в прачечной принести мне воды. Но сначала, мне кажется, ему необходимо представиться.

– Это… – начал было Крим, но Арон опять одним жестом велел ему молчать.

– Не соизволишь назвать себя, брат? – пытаясь сдержать нарастающий гнев, с улыбкой спросил он. Чем-то этот монах раздражал его. Арон подумал, что это, скорее всего, результат того, что Крим не может остаться с ним наедине, а этот жрец стоит тут, как столб и молчит.

– Я брат Мирий! – смиренно ответил жрец.

– Брат Мирий, – Арон попытался выдать ещё одну улыбку. – Ты не мог бы прислать кого-нибудь, чтобы приготовили мне ванну.

– Это может сделать послушник! – ответ монаха так поразил Арона, что брови его резко взметнулись вверх. Он не припоминал случая, чтобы ответом на его просьбу, которая прозвучала практически как приказ, служило бы слово «нет».

– Как я уже сказал, послушник мне нужен здесь! – терпению Арона приходил конец. – Ты же до сих пор не привёл ни одной причины своего прихода, – глаза Арона загорелись огнём. – Надеюсь, тебя не на обед мне прислали? – пошутил он, но тут же отметил, что, наверное, переборщил; юмор был слишком чёрным.

Как это ни показалось странным, брат Мирий сохранил хладнокровие, правда, сделав маленький шажок назад, что выдало то, что и в его сердце может поселиться страх.

– Нет, господин! – смиренный голос монаха сопровождался улыбкой. – Мне приказано не оставлять тебя ни на миг с этого утра. Это распоряжение Верховного Жреца.

– Брат Феон так сказал? – гнев Арона сменило недоумение. – Почему? По-моему, Крим достаточно хорошо следил за мной.

– Недостаточно! – брат Мирий покачал головой, его манера вести беседу раздражала Арона, было ощущение, что брат Мирий пытается утихомирить разбушевавшегося ребёнка. – Неделю назад ты исчез. И во время того, как это случилось, именно Крим наблюдал за тобой.

– Верно! – кивнул Арон. – Я думаю, мне стоит поговорить с братом Феоном, чтобы он освободил тебя от этой обязанности. Со мной всё хорошо, и не следует из-за простого недоразумения лишать храм твоих услуг. А кстати, чем ты здесь занимаешься? Раньше я почему-то не видел тебя.

Арон обошёл жреца и двинулся по коридору в сторону прачечной. Он не хотел отпускать от себя Крима, но ему было просто необходимо вымыться. И проще всего было бы сделать это, как в старые времена, в помещении, где стирали бельё.

– Мои обязанности относятся к внутреннему распорядку храма! – всё таким же смиренным голосом ответил брат Мирий, семеня вслед за Ароном, за ними следом шёл Крим. – И никто, кто не имеет статуса жреца, не может спрашивать меня о них.

Арон резко остановился, поднял взгляд на брата Мирия и внезапно залился хохотом.

– Правда? – сквозь смех спросил он. – Я не имею права спросить? – внезапно смех мальчика прервался так же резко, как и начался. – И как ты предполагаешь заставить меня молчать? Зашить мне рот?

– Прошу прощения, господин! – смиренность брата Мирия выводила из себя. – Я неправильно выразился. Я не имею права ответить на твой вопрос.

– Замечательно! – обрадовался Арон. – Этот вопрос я тоже задам брату Феону. Вместе с тем, другим вопросом, который меня несказанно интересует с того самого момента, как я увидел тебя. Зачем он приставил тебя ко мне?

– Сожалею! – брат Мирий улыбнулся Арону, отчего лицо монаха стало чуть более приветливым. – Но брата Феона нет в храме.

– А где он? – вырвалось у Арона.

– На этот вопрос я тоже не имею права отвечать, господин! – выдавил новую улыбку брат Мирий.

Арон удивлённо взглянул на прячущего глаза Крима. Да что же здесь происходит?

– Меня ведь неделю не было? – спросил друга Арон.

– Да, господин! – кивнул Крим, но Арон заметил спрятанный шаловливый взгляд.

– М-да! – Арон развернулся и вновь двинулся в сторону прачечной.

– Куда мы идём, господин? – брат Мирий пытался выполнять обязанности надсмотрщика, возложенные на него Верховным Жрецом.

– Туда! – Арон протянул палец вперёд, указывая направление движения.

– Не мог бы ты уточнить, господин? – в интонациях брата Мирия почувствовалась некоторая напряжённость, что заставило Арона испытать хотя бы и небольшое, но всё же удовольствие.

– Не-а! – несколько развязно ответил Арон. – Я не хочу этого уточнять!

Он понимал, что ведёт себя, как ребёнок, но что хотел этот жрец? Он сам вёл себя с ним, словно с маленьким. Арон взглянул в зеркало, мимо которого проходил. Да! Он и есть ребёнок. А если этот ребёнок будет ещё и капризным. Арон внутренне рассмеялся. Покажет он этому брату Мирию! Если брата Феона здесь нет, то некому будет его остановить. Разве что решит вернуться брат Арес… Но в этом Арон сильно сомневался.

Вымывшись и переодевшись, Арон направился в комнату обучения. Гнев всё больше и больше охватывал мальчика. Он уже едва сдерживался, глядя на сопровождающего его монаха. Что-то внутри него рычало так, что ещё чуть-чуть, и он готов был разрушить этот храм, в котором оказался невольным заложником чужих пророчеств.

Арон вошёл в распахнутую перед ним Кримом дверь. Брат Марк – философ, обучающий Арона премудростям наук – поднял голову от записей, которые как раз в это время читал и удивлённо воззрился на ученика. Только сейчас Арон сообразил, что пришёл много раньше назначенного времени.

– Доброе утро, учитель! – потеряно опустил взгляд Арон.

– Доброе утро ученик! – склонил голову брат Марк. – Что так расстроило тебя?

– Это! – Арон вытянул руку, показывая на брата Мирия. – Ты знаешь, зачем он здесь? И что он здесь делает?

Брат Марк отрицательно покачал головой, затем перевёл взгляд на брата Мирия и спросил:

– Что привело тебя сюда, брат?

– Приказ Верховного Жреца! – на этот раз тон брата Мирия не был таким смиренным, как при разговоре с Ароном. Он показался даже вызывающим. Но сломить спокойствие брата Марка было очень трудно. Арон не был уверен в том, что это вообще было возможно.

– Сейчас у нас начинаются часы обучения, – сообщил брат Марк брату Мирию. – По правилам ты не можешь присутствовать в комнате обучения в это время, – брат Марк заинтересованно посмотрел на брата Мирия и добавил: – если, конечно, ты не учитель и не прислуживающий Арону послушник.

– Я – учитель! – заявил брат Мирий.

– Вот как? – удивился Арон. – И чему ты собираешься учить меня?

– Прежде всего, ты должен выполнить необходимые формальности, ученик! – повествовал новоиспечённый учитель.

– Мы с тобой уже здоровались, – заявил Арон.

– Но не как учитель с учеником! – возразил брат Мирий.

Только что немного присмиревший зверь внутри Арона начал снова тихо рычать.

– Доброе утро, учитель! – процедил мальчик, не опуская глаз.

– А поклон? – улыбаясь, спросил брат Мирий.

Арон на мгновение опустил взгляд и снова уставился в светло-голубые водянистые глаза.

– Доброе утро, ученик! – голова брата Мирия склонилась на такой же короткий миг, на какой были опущены глаза Арона, отчего монах на миг стал похож на кивающую куклу.

– Так чему ты будешь учить меня, учитель? – снова спросил Арон.

– Я – лучший воин храма! – выдал брат Марк.

От неожиданности Арон закашлялся.

– Лучший воин храма – Арес! – мальчик изо всех сил старался держать себя в руках и не рассмеяться брату Мирию прямо в лицо. – А ты, насколько я вижу, – не он.

– Брат Арес сбежал…

– Единый в трёх лицах уехал по делу, касающемуся церкви! – перебил монаха Арон.

– Так вот, пока он в отъезде, я – лучший воин храма! – с гордостью в голосе проговорил брат Мирий.

Арон медленно с ног до головы осмотрел брата Мирия. Возможно, он и прав, но Арон очень сомневался, что умения брата Мирия превосходят умения Ареса.

– Тогда, может, ты преподашь мне урок… – Арон взглянул в глаза брата Мирия и словно выплюнул последнее слово: – учитель!

– С удовольствием, ученик! – расплылся в победной улыбке брат Мирий.

Краем глаза Арон заметил знаки, которые подавал Крим брату Марку.

– Что? – резко повернувшись к другу, спросил мальчик.

– Тебе нельзя биться с ним, господин! – отводя взгляд, ответил послушник.

Брат Марк внимательно посмотрел сначала на Крима, пристыжено опустившего глаза, а затем на Арона, бросающего взглядом молнии в сторону друга.

– Арон, – тихий голос брата Марка заставил мальчика повернуться и посмотреть на него, вид любимого учителя утихомирил обжигающий душу огонь.

– Да, учитель! – ласково отозвался Арон.

– Ты сегодня не завтракал! – брат Марк не спрашивал, он утверждал.

Вновь гнев овладел Ароном.

– Он подойдёт! – кивнул мальчик в сторону брата Мирия.

– Арон! – воскликнул брат Марк. – Сейчас ты зол… – он запнулся, и через несколько секунд признался: – Честно говоря, не понимаю, почему.

– Он всюду ходит за мной, и меня это раздражает! – упрямо тряхнул головой Арон, отчего волосы его, до этого лежавшие волнами на спине, рассыпались по плечам.

– Убив его, ты нанесёшь вред себе! – попытался урезонить ученика брат Марк.

– Убив меня? – рассмеялся брат Мирий. – О, брат, ты переоцениваешь силы мальчика!

– Убив его, я позавтракаю! – рыкнул Арон, не обратив никакого внимания на фразу надоевшего брата.

Но следующая его фраза заставила Арона повернуть голову.

– Итак, по правилам я должен вызвать тебя! – произнёс брат Мирий.

– Я принимаю вызов! – резко ответил Арон.

Брат Марк застонал, закрыв лицо руками. Крим отодвинулся в самый дальний угол. Послушник больше не пытался скрывать свои чувства. На его лице застыло выражение ужаса, поселившегося в его душе. Арон внутренне усмехнулся. Если они смогли допустить, чтобы за ним ходил какой-то высокомерный сноб, то немного страха им не повредит. А этого сноба он непременно хорошенько проучит. Убивать его, конечно, было бы чересчур, а вот поставить на место, и при этом порядочно попугать… Не будь он избранным, если не сможет этого сделать!

– Вспомни брата Тимирия! – в ужасе возопил философ. – Вспомни, как ты был расстроен тогда!

– Брат Тимирий не надоел мне настолько! – Арон слышал свой голос, словно со стороны, сам пугаясь мотивам, звучавшим в нём. Но брат Мирий был настолько уверен в своих силах и беспечен, что, как ни странно, он стоял и улыбался, словно предвкушая победу. Арона всё более и более раздражала улыбка брата Мирия. Мальчик посмотрел в водянистые глаза и сквозь зубы пояснил своему учителю: – Во всяком случае, я мог понять его мотивы. Они не были мотивами надутого индюка!

– Ты пользуешься оскорблениями, чтобы подогреть свой воинственный дух? – подал голос брат Мирий. – Это неплохая стратегия!

Казалось, брат Мирий либо не читал пророчества, из-за которого все в храме опасались Арона, либо относился к этому пророчеству очень критично. Он видел перед собой просто маленького разозлившегося мальчика, не больше. И это уже начало раздражать и брата Марка.

– Остановись, брат Мирий! – взмолился брат Марк, пытаясь намекнуть жрецу с кем именно тот решил сразиться этим утром. – Взгляни на него! Ему не нужно подогревать свой дух. Он уже нагрет настолько, что тебя можно медленно зажарить на его огне! Остановись! Тебе не нужно биться с Ароном.

– Вызов брошен! – Арон не узнавал себя. Внутри него действительно разгоралось пламя. И сейчас мальчику казалось, что этим пламенем можно спалить полмира. Такого он раньше в себе не замечал. Арон попытался успокоиться, пока чёрный свет его гнева не заполонил всё вокруг, и, слабо улыбнувшись противнику, предложил: – Выбирай оружие!

– Верёвки, – усмехнулся брат Мирий. – Победит тот, кто свяжет своего противника.

Арон подошёл к стеллажам и схватил в руку длинный кусок каната. Другой такой же кусок был в правой руке брата Мирия. Арон быстро оценил положение. Он видел, как мысли медленно копошились в голове новоявленного учителя. Он знал все приёмы, которыми тот мог связать своего противника. Арон улавливал каждое движение брата Мирия. Он понял всё. Он уже знал, что именно произойдёт в ближайшие минуты. Ему не стоило труда создать свой план действий, который не оставлял противнику ни единого шанса. К несчастью для брата Мирия, тот не знал, с кем имеет дела. Он не предполагал, как молниеносны движения Арона, как стремителен его разум.

– Только не убивай его! – шёпот философа обжёг душу Арона на те пару секунд, пока длился бой и мгновенно остудил гнев мальчика. Сейчас ему уже не хотелось слишком сильно наказывать брата Мирия. Не было смысла издеваться над поверженным противником. Арону нужно было только одно – чтобы тот не преследовал его больше.

Мальчик швырнул связанного брата Мирия в противоположный от Крима угол, и обернулся к философу.

– Я выполнил твою просьбу, учитель! – спокойным голосом произнёс Арон, поклонившись одними глазами.

– Я горжусь тобой, ученик! – с облегчением в голосе сообщил философ, склонив голову в поклоне.

– Развяжи меня, брат Марк! – жёсткий взгляд брата Мирия упёрся в философа. – Это приказ!

– Я отменяю его приказ! – усмехнулся Арон, схватив за руку учителя, уже собирающегося освободить брата Мирия. – Мало того, я отдаю другой приказ, – Арон задумался. – Никто не может прикасаться к этому человеку! Никто не смеет помогать ему освободиться!

– Но господин! – раздался из угла робкий голос Крима. – Верховный Жрец приказал ему следовать за тобой!

– Верно! – кивнул Арон. – А тебе брат Феон по этому поводу что-либо говорил? – Крим затряс головой, отрицая предположение Арона о его причастности к деятельности непрошенного соглядатая. – А раз нет, ты ничего не должен. А он пускай выполняет приказ Верховного Жреца, если сможет! – Арон хищно улыбнулся.

– Я думаю, тебе всё же следует позавтракать! – посоветовал брат Марк, увидев оскал ученика.

– Ага! – согласился Арон. – Только кляп ему вставлю, чтобы он не донимал тебя новыми приказами.

Через секунду во рту брата Мирия торчал кляп, а ещё через несколько минут Арон вместе с Кримом шли в обеденную залу, где для избранного был приготовлен особый обед, ужас-

нувший бы многих жителей Долины Хранителей, но не Крима, который готов был на всё, чтобы не расставаться с Ароном. Как только завтрак был окончен, Арон снова отправился в комнату обучения. Ведь занятия с братом Марком так и не получилось.

– Чего это брат Феон решил приставить ко мне стража? – словно невзначай на ходу поинтересовался у друга Арон. – Я не припомню, чтобы с момента начала моего обучения он так контролировал меня.

– Не имею представления! – честно ответил Крим. – Я сам сегодня был несказанно удивлён, встретив брата Мирия возле твоих покоев поутру.

– Он твой учитель? – Арону показалось, что Крим знает брата Мирия достаточное время.

– И да, и нет, – Крим на секунду задумался, пытаясь как можно более точно сформулировать ответ. – Иногда он приходит во время моего обучения и даёт разнообразные советы учителям. Кстати, зачастую дельные. Не знаю, чего это он сегодня разошёлся… Обычно он осторожен и умён.

– Что-то не похоже… – с сомнением протянул Арон. – Я бы сказал, что он крайне неосторожен и очень глуп.

Крим прыснул, более не выдержав серьёзного тона, и оба друга залились радостным хохотом.

– Как я волновался о тебе! – сквозь смех признался Крим, хватая Арона в объятья. – И как же мне тебя не хватало!

– Не могу сказать того же, – также смеясь, признался Арон, высвобождаясь из рук Крима. Тело всё ещё побаливало, хотя кожа была абсолютно чиста. Наверное, огонь дракона немного повредил и то, что под кожей, и, несмотря на то что мазь гномов сделала своё дело, не всё в организме Арона ещё окончательно зажило. – Я почти всю неделю провёл в беспамятстве. Очнулся лишь прошлой ночью, незадолго до рассвета, весь перемазанный какой-то гадостью. Но живой и здоровый. Если честно, я думал, что великий дракон наконец-то решил пустить меня себе на пропитание, хорошенько поджарив перед этим!

Шутка Криму не понравилось. Послушник перестал смеяться и с жалостью взглянул на Арона.

– Зойя мне рассказала, что дракон сжёг тебя практически до костей. Я боялся, что на этот раз он переборщил и единственное, что могло облегчить мне боль от волнения за тебя, – вера в то, что тебе не время умирать, и что великий дракон достаточно мудр, чтобы знать это. Мне жаль, что тебе пришлось всё это пережить.

– Да ладно! – тирада Крима тронула Арона до глубин его сердца, отчего мальчик почувствовал неловкость. Ведь именно он был причиной волнений друзей, а он вовсе не хотел, чтобы они о нём переживали. – Он ведь даже не меня наказал или проучил. Дракон пытался преподать урок Зойе. А я почти сразу потерял сознание, и очнулся уже практически здоровым. Я ж говорил…

Крим грустно покачал головой.

– Не рассказывай мне сказки! – с уверенностью выпалил он. – Никто, горя заживо, не может испытать удовольствия. И пока ты не лишился сознания, ты получил достаточно, чтобы запомнить это на всю свою жизнь!

– Я получил жизнь Зойи, – смотря в глаза друга, и больше не улыбаясь ответил на его выпад Арон. – Разве не это главное? Согласись, это стоило того!

Крим словно лишился дара речи. Именно с этой стороны он не рассматривал поступка Арона.

– То есть ты хочешь сказать, что твоя жизнь – это вполне сходная цена за то, чтобы Зойя, или кто-либо другой остался в этом мире? – уточнил Крим. – Ты это имел в виду, говоря о принесённой тобой жертве?

Арону стало не по себе от того, что сказал его друг. В устах Крима то, что он сделал, было чуть ли не подвигом, а сам Арон не чувствовал ничего героического в своём поступке. Тем более, что в тот момент у него уже и выбора-то не было. Он горел, и ужасная боль не позволяла ему не только двигаться, но даже открыть рот без того, чтобы из его глотки не вырвался оглушительный крик предсмертной боли.

– Ну… – Арон сглотнул, вспоминая жуткий момент, когда его тело окутало пламя дракона. – Вообще-то жертвы никакой не было. Я же жив и здоров…

– Ну да, жив… – Крим скептически оглядывал друга. – Но ты же сам сказал, что думал, что дракон решил тобой пообедать.

– Мало ли что я думал! – взорвался Арон. Сейчас ему хотелось, чтобы друг перестал изображать из него спасителя, а просто отнёсся к нему, как к любому, кто может просто жить и ошибаться. – Это была глупая мысль!

– Ну, ладно… – отступил от него Крим. – Не сердись! Как скажешь! Глупая – значит, глупая!

Но последние слова Крима почему-то ещё более разозлили Арона.

– Пойми! – выпалил он, но взглянув в глаза послушника и увидев в них смесь восхищения и ужаса – ужаса, вызванного его, Арона, гневом – мальчик внезапно остыл. – Всё без толку! – выдохнул он грустно. – Ты просто не понимаешь!

– Я понимаю! – Крим робко приблизился к Арону и обнял его за плечо. – Ты прости меня, если я невольно тебя обидел. Я не хотел усугублять твоё одиночество.

Арон снова посмотрел в глаза Крима. Да! Тот действительно прекрасно всё понимал. Но при этом что-то было в его глазах, чего Арон совсем не хотел там видеть. Восхищением и поклонением он пресытился в храме воинов церкви, куда попал чуть меньше года назад, и где с большим трудом выдержал испытание, данное ему повелителем в качестве очередного урока. Сейчас же он как никогда нуждался в друге, но этот друг всё утро должен был притворяться слугой, потому что брату Феону пришло в голову проконтролировать каждое действие Арона. Что же он прятал от него, что нужно было следить за каждым шагом избранного?…

Вернувшись в комнату обучения, Арон сразу почувствовал, как неловко брату Марку от того, что в углу лежал связанный по рукам и ногам с кляпом во рту брат Мирий. Арон же, увидев того, кто вознамерился стать его учителем по боевым искусствам, не испытал даже сожаления. Он до сих пор был немного раздражён тем, что брат Феон приставил к нему охранника, хотя по прошествии некоторого времени, немного успокоившись, мальчик понял, что вина в этом лежит не на брате Мирии, а скорее на Верховном Жреце.

– Учитель! – улыбнулся брату Марку Арон, слегка опустив веки.

Брат Марк, не ответив, указал мальчику рукой на его подушку – место, где с помощью медитации и слияния душ Арону давались глубокие знания, касающиеся различных научных течений. Здесь же иногда брат Марк и Арон исследовали возникшие в жизни мальчика ситуации, которые тому было необходимо обдумать, и проблемы, которые нужно было разрешить.

– Ты обижен моим поведением, учитель? – прямо спросил брата Марка Арон.

– Я не вправе обижаться на тебя, господин! – склонился учитель в таком усердном поклоне, которого от брата Марка Арон не видел ни разу.

– Прости меня, учитель, и не держи зла. Спустя половину часа лишь только закончится наш урок, ты можешь отпустить брата Мирия, – улыбнулся Арон одной из своих самых очаровательных улыбок. – Но не ранее, прошу тебя! – мальчик постарался сделать ударение на последней фразе, чтобы учитель воспринял его слова именно как просьбу, а не как приказ. – Мне нужно подальше удрать, иначе сегодняшний вечер будет испорчен!

– Тогда мне нужно дать тебе сегодня особый урок, ученик! – никто не мог сопротивляться обаянию Арона, особенно когда мальчик хотел применить своё обаяние. И брат Марк не был

исключением. – Позволишь ли ты мне рассказать тебе одну историю о двух людях, которые не поняли друг друга?

– Мой разум открыт для знаний, которые ты пожелаешь вложить в него, учитель! – теперь уже Арон склонил голову, всем своим видом показывая почтение к мудрости своего наставника.

Брат Марк опустился на подушку напротив Арона в тот самый момент, когда мальчик сел на свою. Скрестив ноги и открыв ладони, повернув их так, чтобы они могли лучше воспринимать пространственные течения, учитель и ученик закрыли глаза и в голове Арона прозвучал голос учителя.

– Сегодня я хочу немного отклониться от наших каждодневных мыслительных тренировок и рассказать тебе историю двух людей, которые не знали друг друга, но которые оказались в одно и тоже время в одном и том же месте не случайно, и совсем не по своей воле. Возможно, не случись чего-то, о чём они даже не подозревали, и не было бы того, что произошло с ними в то время. Это случилось в незапамятные времена, ещё до того, как церковь получила власть над этими землями, до того, как появился на свет первый хранитель. Но эта история рассказывается на протяжении многих веков как назидание тем, кто считает своё дело более правым, чем дело другого человека. Итак, в одном поселении жил кузнец. То был очень хороший кузнец, и все в округе обращались к нему за помощью, когда было необходимо подковать коня, подправить инструмент, выполнить какие-либо строительные элементы или украшения. Никому не отказывал тот кузнец до одного случая. В тот день в кузницу пожаловал незнакомый воин. Он был изрядно потрёпан, хотя серьёзных ран он не получил. Воин был грязен, но не так грязен, как будто долгое время провёл в бою или пути. Создавалось впечатление, что кто-то побил воина в одной из таверн, которых в то время было просто пруд пруди на каждой дороге и в каждом поселении. Воин потребовал от кузнеца выковать ему оружие – обоюдоострый меч, которым он мог бы поразить каждого, вставшего на его пути. Кузнец отказал воину. Здесь нужно отметить, что несколько лет назад кузнец пережил очень большую утрату. Когда-то в его доме, как и у всех вокруг, горел очаг, около которого хлопотала женщина, которую, будучи юношей, кузнец выбрал себе в жёны. В саду бегали двое ребятишек – мальчик и девочка, в которых мужчина не чаял души. Но в один чёрный день к ним случайно заглянул подвыпивший воин, попросивший у хозяйки воды, – грусть, просочившаяся в душу учителя, захлестнула Арона, и мальчик внезапно понял, что именно скажет учитель ещё до того, как тот произнёс следующую фразу. – То ли хозяйка, по мнению гостя, была слишком нерасторопна, то ли гость был не в духе, но в тот день кузнец лишился своей семьи. И именно тогда он поклялся никогда более не делать оружия ни для одного из воинов, независимо от того, на какой стороне они сражались – на стороне добра или зла. Кузнец не счёл необходимым объяснить просителю причину своего отказа. Тот же, в свою очередь, рассердившись на упрямого мастера, не стал раскрывать ему того, что именно произошло пару часов назад. А случилось следующее. В тех краях орудовала банда разбойников. Сейчас никто уже не знает, что именно собой представляют эти люди, но тогда многие готовы были отдать последний кусок хлеба, чтобы подольше не видеть тех, кто приходил к ним в дом, постоянно требуя что-то в обмен на жизнь дорогих сердцу людей. Воин заглянул в это поселение впервые. Он был направлен своим господином – правителем соседних земель – с тем, чтобы посмотреть, как живут люди в этих местах и передать ему кое-какие незначительные сведения об их обрядах и обычаях. По словам пославшего воина, тот собирался наладить торговлю с этими людьми, а для успешной торговли всегда неплохо знать тех, с кем хочешь обмениваться товарами. Зайдя в таверну, воин наткнулся на вожака банды, который вызвал воина на бой, и ценой победы поставил жизнь каждого, живущего в поселении. Когда кузнец отказал воину, тот был настолько сердит, что подумал: «Пусть этот кузнец поймёт, каково отказывать тому, кто желает защитить его и близких ему людей. Мне же эти люди – чужие, и я не намерен унижаться, чтобы его люди остались

в безопасности». Если бы воин знал, что произойдёт дальше, то смирил бы свою гордыню… Если бы кузнецу было известно о грядущем, он бы отказался от своего обещания… Но ни один из них не ведал ничего, что грядёт на следующее утро. Восход в тот день был на редкость красным. Весь горизонт был словно залит кровью, и это совсем не было случайностью. Боги давали последнее предупреждение, но ни один житель поселения не внял им. Банда разбойников налетела, словно ветер. Они разили всех – мужчин, женщин, детей, стариков. Они не щадили никого. Ни один житель этого поселения не выжил; ни один, кроме кузнеца. Погиб и тот самый воин, которому он отказался выковать оружие. А следом за бандой пришло войско пославшего своего воина. Нет! Они не опоздали. Они пришли именно тогда, когда и хотели. Правитель соседних земель заранее подговорил вожака разбойников за большую цену сделать своё чёрное дело. Тот знал, когда воин окажется в таверне, вожак ждал его там. Знал он и то, что воин был безоружен, ибо сам выкрал у него оружие во время того, как тот уснул на одной из стоянок. Места в том поселении были богатые, и теперь они стали собственностью господина, пославшего воина на смерть. Всю оставшуюся жизнь казнил себя кузнец за смерть тех, кого сызмальства он знал и любил. Некуда было деться кузнецу ни от угрызений совести, ни от одиночества, и он принёс присягу господину, о вине которого в смерти жителей своего поселения кузнец так никогда и не узнал. Служил он ему верно, отказавшись от своей клятвы никогда более не делать оружия. Именно так и окончилась эта история. Если бы только кузнец и воин смогли открыть друг другу свои сердца, если бы они смерили гордыню и объяснили свою позицию, тогда бы не было кровопролития, и поселение жило бы своим чередом. Воин бы смог в бою защитить людей, а кузнец помог бы ему своим мастерством…

Учитель и ученик одновременно открыли глаза.

– Это бы не помогло, – уверенно произнёс Арон. – Банда всё равно разорила бы поселение. А если бы это была не банда, то это сделало бы войско, которое привёл хозяин соседних земель. Другое дело кузнец. Остаток жизни совесть бы не мучила его. Если бы, конечно, этот остаток жизни у него был…

Учитель улыбнулся.

– Возможно и так. А может быть, и нет. Мы не знаем, что произошло бы, если бы воин смог принять бой.

– В любом случае, – Арон глянул на пленённого им брата Мирия. – Я спрашивал его, зачем он ко мне приставлен. Он не счёл нужным ответить мне, заявив, что я не имею права задавать этого вопроса, так как не являюсь жрецом. И ты сможешь его освободить. Но я уже просил тебя дать мне полчаса, чтобы я смог как следует укрыться от своего надзирателя.

– А если я освобожу его сейчас? – как бы невзначай поинтересовался философ.

– Ты волен делать то, что считаешь нужным, учитель! – Арон опустил веки, словно отдавая себя на волю того, перед кем он сейчас стоял. Мальчик знал, что это сработает, и не ошибся, смирение в глазах ученика сильно подействовало на учителя.

– У тебя полчаса! – подумав, произнёс брат Марк. – Но долее я не могу наблюдать его в этом состоянии. У брата Мирия, наверное, уже все конечности затекли.

– Более мне и не нужно, учитель! – просиял Арон. – Пусть боги будут благосклонны к тебе!

– Пусть боги будут благосклонны и к тебе, ученик! – тихо прошептал брат Марк быстро удаляющейся спине Арона.

Урок не прошёл даром. Сам о том не подозревая, брат Марк навёл Арона на некоторые размышления. Снова в голове у мальчика возник тот же вопрос: зачем понадобилось ограничивать его настолько, чтобы он не смог даже вздохнуть, не ощущая на себе взгляда соглядатая. Ответ пришёл мгновенно. И этот ответ не понравился Арону.

– Крим! – Арон остановился только в своей комнате, вперив взгляд в друга. – Что ты рассказал им о Зойе?

Крим спрятал глаза.

– Прости Арон, – промямлил он. – Я ничего не говорил. Но разум мой словно открытая книга для них. Я не знаю, что они могли прочесть в моих мыслях.

– О, боги! – Арон схватился рукой за лоб. – Как я мог быть настолько слеп?

– Ты не виноват! – Крим сел возле дверей так, что войди кто-то, послушник бы оказался скрытым за правой створкой.

– Не ходи за мной! – крикнул Арон, быстро скрываясь в подземном ходу под полом своей комнаты. – Я скоро вернусь!

В тот самый момент, как Арон покинул свою комнату, в неё ворвался брат Феон в сопровождении брата Мирия. Заглянув за створку двери, и найдя там Крима, брат Феон резко поднял того за ворот, словно четырнадцатилетний подросток был весом с пушинку.

– Где он? – только и произнёс Верховный Жрец.

– Он сказал, что скоро вернётся… – глухо прозвучал ответ.

Арон нёсся по подземельям гномов, не замечая ничего вокруг. Он знал, куда нужно бежать. Он уже давно это знал. И сейчас у мальчика не было другого выбора, как взять то, что было запрещено. Ибо в его понимании ни один запрет ни стоил человеческой жизни, тем более жизни матери одного из его друзей.

Арону не составило труда открыть секретный замок и проникнуть в скрытое помещение библиотеки, куда где-то внутри своей души он сам себе запретил входить в тот самый момент, когда Геон намекнул ему на причину того, что Арону не дают узнать содержание пророчества, а именно на то, что если не знаешь чего-то, то это что-то не властно над тобой. Арон лихорадочно листал страницы, пытаясь запомнить как можно больше из написанного. Одна книга, другая, третья. Нет! Арон застонал. Здесь была только часть пророчества, а именно то, что он уже знает. Должны существовать и другие библиотеки. Но пока ему было достаточно и этого.

Арон положил книги на место, вышел из библиотеки и аккуратно закрыл замок. Пусть всё будет так, как будто никто не трогал старые рукописи. Пусть никто не узнает, откуда Арон черпает сведения.

Выйдя из подземелья и проигнорировав взгляд брата Мирия, в котором кроме невысказанной обиды и гнева читалось некоторое изумление тому, как Арон легко может перемещаться внутри стен замка, мальчик прямо обратился к Верховному Жрецу:

– Где Зойя?

– Здравствуй и процветай, Арон! – качнул головой брат Феон, словно не слышал вопроса мальчика.

Тогда Арон, хищно улыбнувшись, начал декламировать нараспев:

«Сияет свет неведомой звезды,
Возникшей и погасшей однодневно.
Всё – звери, птицы, вечные дубы –
Замолкло, и практически мгновенно
Сердца людей забились в унисон,
Толкая кровь по венам. Всё живое
Внезапно обуял волшебный сон,
Когда глаза открыты, и такое
Возникло чувство, словно эра началась,
Куранты жизни новый век пробили.
И закружилась вечность, понеслась…
И Боги книгу старую закрыли,
Начав писать о новых временах…»

Брат Феон, брат Мирий и даже Крим словно онемели. Они в ужасе воззрились на Арона, а тот продолжал:

– Она ничего мне не сказала, да я бы и не стал выпытывать это у неё. – Арон выкинул руку, указывая перстом на Верховного Жреца храма. – Ты своими действиями подвиг меня на поиск. И если ты хочешь, чтобы я этот поиск прекратил, Зойя должна быть дома сегодня же!

– Да, господин! – странно было видеть ужас в глазах всегда спокойного брата Феона. – Но сегодня это невозможно. Завтра она будет дома целой и невредимой, – брат Феон кинул быстрый взгляд на брата Мирия, который пристально смотрел на Верховного Жреца. Брат Мирий стремительно кивнул, думая, что никто в комнате не мог заметить движения его головы. Все взгляды были прикованы к брату Феону. Но брат Мирий снова не учёл быстроты реакции Арона. Краем глаза мальчик успел заметить кивок, и лишь только понял, что означает это перемигивание, сердце его остановилось. Душа кричала. Но Арон сумел сохранить непринуждённое выражение лица, ничем не выдав того, что понял намерения монахов.

Арон кивнул и, сделав знак Криму следовать за собой, вышел из комнаты. Он даже не потрудился проверить, не побежит ли за ним брат Мирий, словно комнатная собачка. Арон уже точно знал, что его тюремщик освобождён от своих обязанностей. У мальчика промелькнула мысль, что в этот день он нажил себе врага, и возможно наживёт их больше, но сейчас Арону не хотелось думать об этом. Он просто хотел остаться наедине со своими друзьями. И именно сейчас это было практически невозможно. Его лучшего друга – Крима – ждало новое испытание.

Глава 3. Преданность и предательство

…И наступает откровенья миг,
Когда друзей ты делом проверяешь.
Пусть разум твой ещё не так велик,
И сердцем ты измену допускаешь,
Но коли верен друг, он не предаст.
Пусть даже завтра для него не будет.
Легко свободу он и жизнь отдаст,
Лишь верить должен, что ты прав. Погубит
Мгновенье промедленья души тех,
Кого ошибочно опасными считают…

Отрывок из песни странника.

«Порою приходят времена, когда ты не имеешь выбора, и именно в этот момент необходимо совершить что-то, чего бы ты не сделал никогда, если бы ни возникшая ситуация, другого выхода из которой ты не видишь, кроме как подвергнуть испытанию самое дорогое в твоей жизни». Именно такие мысли лезли в голову Арона в тот момент, когда он стремительно нёсся по коридору. Мальчик изо всех сил искал другой выход из возникшей ситуации, кроме того, очевидного, который моментально пробрался в его голову. Но другого выхода он не видел. Он не сможет это сделать один. И не делать этого он тоже не может. Арон с сомнением взглянул на бегущего рядом друга. Сегодня он нажил врага. Если этот день принесёт и потерю друга, то это будет, пожалуй, один из наихудших дней его жизни.

Арон резко остановился посреди коридора. Крим по инерции пролетев немного вперёд, тоже затормозил и обернулся к другу, в упор глядящему на него.

– Что случилось? – дыхание Крима немного сбилось, хотя было очевидно, что тот становится крепче. Раньше такая пробежка стоила бы ему больше сил.

– Ты должен сделать выбор! – глухим голосом выдавил из себя Арон. – Прямо сейчас!

– О чём ты говоришь? – Крим удивлённо уставился на Арона. По его мнению, всё было просто замечательно. Но Арон не разделял его уверенности.

– Зойя находится в храме, – голос Арона стал ровным и тихим. Создавалось впечатление, что, произнося слова, мальчик выносит себе приговор. – Ты знаешь, что хранит она в своей памяти. Над ней нависла серьёзная опасность. И мне нужно найти её, пока ещё не стало слишком поздно, и монахи не совершили с ней ничего, что невозможно будет исправить.

Крим остолбенел. В мозгу послушника звучала фраза, сказанная только что в его присутствии самим Верховным Жрецом: «Завтра она будет дома целой и невредимой».

– Они ничего ей не сделают! – с жаром выпалил он. – Брат Феон пообещал тебе это.

– Он солгал! – уверенно возразил Арон. – Она ещё в большей опасности, чем тогда, когда я вышел из подземных пещер.

– И… – Крим потеряно опустил руки. – Что я должен делать?

– Ты должен выбрать, кого ты сейчас предашь – меня или церковь, – грустно усмехнулся Арон. – Мне нужны твои предположения о месте, где могут содержать Зойю. Я не буду тебя принуждать, если ты откажешься помочь мне. Я пойму. Я понимаю, что означает пророчество для тебя. Ты же должен твёрдо понимать то, что для меня оно – пустое место. Я переступлю через пророчество, если его исполнение потребует от меня слишком многого. Я переступлю

через веру многих живущих сейчас и живших долгие столетия до этого. Я всё сделаю по-своему. Брат Феон считает, что прав. Он просто руководствуется тем, что написано в древних письменах. Я считаю, что Зойя должна остаться сама собой в кругу своей семьи, и если смерть придёт за её духом, то лишь тогда, когда она будет готова принять это. У тебя нет времени. Ты либо помогаешь мне, либо уходишь. Сейчас…

В глазах Крима застыла боль. Душа его разрывалась на части. Сейчас перед его мысленным взором мелькали мгновения, которые он провёл с Ароном – избранным, бывшим настолько снисходительным к нему, чтобы позволить стать не в своей тени, а рядом. Другие мысли были о долгом и упорном обучении, тайных знаниях, которые открывали ему то, что может случиться, если отойти от линии пророчества. И эти воспоминания причиняли невообразимые страдания, сливаясь в одно – в его жизнь. Отступит ли он от линии пророчества, если поддастся сейчас голосу сердца и ступит на путь, который сулит ему лишь презрение со стороны воспитателей и друзей, отторжение от церкви и, скорее всего, неизбежную смерть? Не нарушит ли он движение событий, которые должны в итоге привести к спасению его мира? Да и есть ли опасность для Зойи? Возможно, все мысли Арона – просто его выдумка, и женщине ничего не угрожает? Крим вздохнул. Боль в его глазах сменилась грустью. Он принял решение. Возможно, когда-то он раскается в нём. Возможно, даже очень скоро…

– Я укажу тебе путь! – немного хрипло произнёс послушник. И со всех ног припустился в сторону, противоположную той, куда они с Ароном до этого направлялись.

Арон мельком взглянул на друга. Тот был удручён, очень удручён. И состояние его было понятно. Какой бы выбор он ни сделал, этот выбор ведёт его к огромной потере. Либо к потере всего, ради чего жили все его предки, ради чего вообще развивалась эта цивилизация. Даже если эта потеря и мнимая, сейчас она казалась Криму более чем реальной, ощутимой, зримой. Либо… – об этом Арону трудно было даже подумать, потому что это стало бы потерей и для него, потерей такой опустошающей, что она, наверное, посеяла бы в нём самом семена разочарования, способные прорасти через долгие-долгие годы, дав вечные, никогда не засыхающие побеги – либо к потере дружбы. И Арон совсем не был уверен, что для Крима желание сохранить его дружбу перевесит многовековые традиции и веру, впитанную Кримом с молоком матери. Не до конца уверен был Арон и в том, что то, что он сейчас собирался делать, было правильным. Ведь сам он не знал содержания пророчества. Арон прочёл лишь его начало. То, что он и так знал. Но что было дальше, от избранного до сих пор было закрыто. И сейчас Арон руководствовался лишь голосом своего сердца, совершенно не задумываясь о том, что бы сказал разум, знай он то, что известно Криму. Арон снова поглядел на друга. Может быть, зря он поставил перед ним столь сложный выбор? Возможно, у Крима вовсе нет выбора? Если бы было хоть немного времени! Но нет! Если он, Арон, сегодня же не разрешит эту ситуацию, его друг может лишиться родного человека, и Зойя, если и останется жить, то никогда не сможет стать той же живой и разговорчивой, милой и отзывчивой, любящей и верной матерью, которую знал до сего времени Вилон.

Остановившись перед одной из дверей, Крим указал Арону рукой на неё. Больше в его глазах не было ни боли, ни грусти. Там была лишь решимость, которая читалась и в его сердце. Арон всеми фибрами души ощущал, что Кримом было принято решение, но какое… Арон до сих пор этого не знал. Итак, это либо ловушка, либо путь в помещение, в котором, как казалось Криму, держали в заточении Зойю. Ну что же… Арон решил довериться другу, потому что если Крим, даже опираясь на многотысячелетние знания о том, что может произойти, сохрани он сегодня преданность Арону, предаст его доверие, то… Есть ли смысл вообще в чём-то ещё? Почти уверившись в предательстве, Арон грустно взглянул на друга и толкнул дверь, створка которой медленно закрылась за его спиной, как только он шагнул внутрь указанной Кримом комнаты.

Арон оглядывал помещение. Посередине комнату разделяла частая металлическая решётка с прутьями толщиной примерно с запястье Арона. В решётке была проделана низкая дверь, пройти через которую можно было лишь согнувшись. На двери висел огромный замок. И, конечно же, он был закрыт. Из глубины той половины комнаты, которая была за решёткой, на Арона смотрели грустные глаза Зойи.

Подойдя к металлическим прутьям, Арон вцепился в них пальцами, пытаясь хотя бы немного сдвинуть. Конечно, это было глупо! Разве можно было всерьёз ожидать, что толстенные прутья будут из такого мягкого металла, что он сможет погнуть их.

– Зойя? – тихо спросил он. – Ты в порядке?

– Уходи! – прошептала женщина. – Умоляю, оставь меня!

– Чем они запугали тебя? – Арон не сводил с неё глаз.

– Кириям… – раздался шёпот. – И… – женщина не смогла больше сдерживаться, слёзы сами потекли по её щекам. – …Вилон, – едва слышно выдохнула она.

Услышав шумный вздох за своей спиной, Арон обернулся. Глаза Крима перебегали с Арона на Зойю. В них стояла такая тоска и разочарование, ужас и жалость, боль и смятение, что Арон быстро протянул руку, потянув к себе друга и обнял его, словно пытаясь защитить от того, что открылось глазам послушника.

– Они шантажировали тебя дорогими тебе людьми? – голос не слушался Крима, казалось, он осип настолько, что мог только шипеть.

– У них не было выбора, сынок! – всхлипывая, вступилась за своих палачей Зойя. – Ты знаешь…

– Пророчество! – сквозь зубы процедил Арон. – Сколь же многие должны будут погибнуть из-за меня, чтобы жрецы могли порадоваться его свершению?

Странный испуганный взгляд промелькнул в глазах Зойи и Крима. Что-то здесь было не так… Что же такое было написано там? Неужели…

Судорожные размышления Арона были прерваны звуком открывающейся двери.

– Крим! – зловеще прорычал брат Мирий.

– Как ты мог? – голос брата Феона в противоположность брату Мирию был печален, и это более всего ударило по Криму, закрыв для него всё, что было дорого для мальчика с самого момента, когда он был принят в церковь. Всё в Верховном Жреце указывало на такое неподдельное разочарование одним из любимых учеников, что в Криме внезапно всё перевернулось. Сейчас ему было бы проще принять любое наказание, даже самую жуткую и мучительную смерть, чем чувствовать то новое отношение, которым одарил его учитель.

Следом за братом Феоном и братом Мирием вошли ещё двое незнакомых Арону монахов, последний из которых запер дверь ключом, сунув его себе в карман. Жрецы показались Арону не просто большими, а очень большими. По сравнению с ними маленький восьмилетний мальчик выглядел как букашка у ног бегемота.

– Итак! – с такими же грустью и разочарованием в голосе, как говорил до этого брат Феон, обращаясь к Криму, произнёс Арон, обратившись к Верховному Жрецу. – Ты солгал мне?

– Нет, Арон! – твёрдо ответил тот. – Я не лгал. Эта женщина прибудет домой целой и невредимой!

– Совершенно невредимой? – Арон медленно пошёл в сторону Верховного Жреца, тот начал отступать. Монахи-громилы наполовину прикрыли его своими телами. Арон остановился, оглядывая открывающуюся перед ним картину. – И её дух, и её мозг… Всё в ней будет в полном порядке?

– Арон! – терпеливо произнёс брат Феон, жестом приказывая охранникам расступиться. – Тебе стоит покинуть это помещение. Здесь мы решаем внутренние дела церкви.

– Внутренние дела церкви? – скрипнул зубами Арон. – Какие внутренние дела? Я никогда ни при каких обстоятельствах не стану узнавать у этой женщины о пророчестве! Это моё слово!

– Арон! – терпению Верховного Жреца не было предела. – Тебе стоит покинуть…

– Брат Феон! – в глазах Арона начал разгораться огонь – Тебе мало моего слова?

– О, нет! Конечно, нет! – разулыбался брат Феон. – Твоё слово – закон. Но обстоятельства бывают различными…

– Брат Феон! – рыкнул Арон.

Внезапно в памяти мальчика ясно всплыли уроки Геона, там… тогда… Дракон унёс его. Он был в беспамятстве и получал огромное море знаний, которые забыл, стоило ему очнуться в пещере дракона возле заботливых гномов. Но вот один из уроков…

Арон резко повернулся к брату Мирию. Весь облик мальчика теперь выражал абсолютное спокойствие, словно более ничто не волновало его.

– На колени! – ровно сказал он.

Голос его тоже изменился, он стал более глубоким и повелительным. И Арон знал, ни одна живая душа сейчас не в силах ослушаться его.

Брат Мирий медленно опустился на колени, склонив голову до самого пола.

– Посмотри мне в глаза! – тем же ровным и не позволяющим не выполнить приказа голосом произнёс мальчик.

Брат Мирий поднял взгляд и преданно уставился в глаза избранного.

– Читай! – велел Арон. – Со строк «И Боги книгу старую закрыли, начав писать о новых временах…»

И брат Мирий начал медленно декламировать:

«И Боги книгу старую закрыли,
Начав писать о новых временах…
Открылись очи золотой богини,
И блещет неба свет в её глазах,
Спасенье есть у мира, и отныне
Недаром звёзды светят в небесах…»

– Остановись, Мирий! Не-е-е-ет! – простонал брат Феон.

Боковым зрением Арон заметил, как громилы медленно двинулись в его сторону.

– Стоп! – приказал мальчик, моментально освободив разум брата Мирия.

Тот стоял на коленях и тряс головой, абсолютно ничего не понимая.

Взгляд Арона тем временем переметнулся на Верховного Жреца.

– Может быть, ты и его лишишь памяти или души? – Арон вытянул кисть руки в сторону брата Мирия.

– Что произошло? – прошептал тот, чувствуя, что мальчишка снова посмеялся над ним.

– И его! – рука Арона переметнулась к одному из громил, упёршись пальцем в рубашку подошедшего уже почти вплотную монаха. – И его! – Арон указал на второго неизвестного ему жреца. – Да и себя тоже! – добавил мальчик. – Ибо я не обещал не трогать вас. Слово моё касалось лишь тех, кто заслуживает моего доверия. Оно не касается тебя, Верховный Жрец! – Арон опустил голову, грусть возникла на лице мальчика. – Было время, когда я считал тебя пусть строгим, но практически безгрешным. Если бы кто-либо посмел сказать мне, что ты так ловко умеешь лгать!… – Арон покачал головой. – Оставь эту женщину, брат Феон! Она не сможет рассказать мне более чем ты!

– Ты угрожаешь мне? – вопрос, заданный таким спокойным голосом, на который сейчас был способен лишь Верховный Жрец, словно взорвал атмосферу в комнате. Все в ужасе уставились на Арона, позволяя тому дать лишь отрицательный ответ. Но настроение всех вокруг не подействовало на мальчика.

– Да! – так же спокойно, как брат Феон, ответил тот. – Я угрожаю тебе! И угроза моя – не пустой звук. Она вполне реальна. Поэтому, думаю, тебе стоит прислушаться к моим словам. И ты знаешь, – очаровательная улыбка Арона как-то мгновенно разрядила обстановку в комнате, – я смогу распознать обман.

– Да будет по слову твоему, господин! – склонил голову брат Феон, более не найдя, что ответить.

– Пусть боги будут благосклонны к тебе! – произнёс мальчик слова прощания.

– Пусть боги будут благосклонны и к тебе! – склонил голову Верховный Жрец.

Арон повернулся, чтобы выйти и жестом позвал за собой Крима, но голос брата Феона остановил его.

– Крим!

Арон обернулся, он не собирался уходить отсюда без друга.

– Ты останешься здесь! – твёрдо приказал Верховный Жрец. И теперь в его голосе уже не было того спокойствия и смирения, которое слышал Арон, когда монах обращался к нему.

– Послушник пойдёт со мной, брат Феон! – внутри Арона что-то зарычало, и это что-то не хотело отдавать друга на растерзание волкам.

– Я останусь, Арон! – раздался слабый голос Крима.

– Нет! – прорычал Арон.

– Он – член церкви! – улыбнувшись, напомнил Арону брат Феон. – И он обязан подчиняться главе церкви.

Верховный Жрец был прав. И эта его правота разъедала душу Арона.

– Я клянусь, его душа будет в норме! – пообещал Верховный Жрец.

Внутри Арона всё налилось тяжестью. Его душа?… Он подставил друга! Лучшего друга… Что он может сделать, коли тот сам идёт навстречу зверю? Арон быстро взглянул на Крима. В его глазах читался приговор самому себе. Ради того, чтобы не предать Арона, Крим предал себя. Он уже готов был к тому наказанию, которое, как ему казалось, заслужил. Крим приготовился к смерти, жуткой смерти в пасти дракона. Сегодня свершится жертвоприношение. Это бывало крайне редко, но Арон знал – иногда это случалось.

– Может быть, он и обязан подчиняться тебе! – процедил сквозь зубы Арон, бросая беспомощный взгляд на Крима. Ах, если бы он только сам попросил его о помощи! Если бы Крим не был так упрям и не рвался смерти в пасть! – Но ты должен подчиняться мне! – тон мальчика стал более повелительным. – Он должен прислуживать мне перед сном.

– Боюсь, это невозможно, господин! – склонил голову Верховный Жрец. – Но я пришлю тебе другого послушника.

Внутри Арона всё заледенело. Он умоляюще посмотрел на Крима.

– Друг! – прошептал он. – Прошу…

Тот покачал головой, отводя взгляд.

– Нет, – голос Крима звучал как-то неестественно грустно. – Всё кончено, господин!

Арон медленно повернулся и покинул комнату. Внутри всё болело. Все члены словно сковало, в душе поселилась апатия. Сейчас ему более всего хотелось забиться в какой-нибудь угол, и завыть, словно волку на полную луну. Он – кошмар этого мира. Он – ужас, страх, бездна, горе. Он – зверь, запертый в клетке предрассудков, надежд и непонимания. Ну почему? Почему? Куда идти? Можно было пойти к Вилону, но разве тот сможет понять сжигающую душу боль? Священный дракон… Арон вспомнил, как встал перед драконом, защищая собой Зойю. Получится ли у него это теперь, когда за спиной будет тот, кого жертвует церковь, кто идёт на жертву сам, считая себя врагом всего мира? Нет… Вряд ли…

Арон упал на колени в пустом коридоре храма и во весь голос возопил:

– Повелитель!!!

– Я всё ещё благосклонен к тебе, – раздался грустный голос в душе.

– Помоги… – простонал Арон, падая на пол и сворачиваясь в маленький клубок. – Помоги…

– Что ты хочешь? – Арон словно наблюдал грустную улыбку на прекрасных устах черноглазого юноши.

– Убей меня! – слёзы лились из глаз мальчика. – Убей!

– О-о-о! – теперь в голосе Геона сквозило удивление. – Я приму любое твоё решение, я могу выполнить большинство твоих просьб, но это…

– Убей! – просил мальчик. – Убей! – стонала его душа.

– Это даже мне не по силам! – грустно усмехнулся Геон. – Может быть, попробуешь попросить что-нибудь ещё? – Арон словно наяву наблюдал, как шаловливый глаз Геона подмигнул ему.

Обычно, насмешка повелителя приводила мальчика в хорошее настроение, но сейчас даже это было ему безразлично. Горе сжигало его дух.

– Убей! – шептали уста Арона.

– Сказал же, не могу! – раздражённо повторил Геон. – Встряхнись, наконец! Ищи! Не опускай рук!

– Он не хочет жить! – вырвалось у Арона сквозь стон. – Он…

– Ну! – Арону показалось, что Геон присел рядом с ним, хотя он видел, что никого возле него не было. – Это поправимо! Многие люди порой ненавидят жизнь, не понимая её значения. Раскаяние бывает слишком тяжело. Особенно, если человек, пусть и ошибочно, считает, что по-настоящему виновен.

– У меня нет ни времени, ни возможности! – пожаловался Арон. – Он оставил меня!

– Вот здесь ты не прав! – покачал головой Геон. – Он не оставил тебя. Крим пошёл за тобой до конца, пожертвовав более чем жизнью. Твой друг пожертвовал своими убеждениями. И цена этому – раскаяние. Но раскаивается он вовсе не в том, что остался верным тебе. Раскаивается он в том, что предал веру.

– В ком он возродится? – глотая буквы, спросил Арон.

– Возродится? – удивлённо вскинул брови Геон. – Об этом ещё рано думать! Если ты, конечно, не хочешь попросить меня убить его. – Геон задумчиво почесал бровь. – Его б я мог… – с глубокомысленным сарказмом промолвил он, потом добавил: – Ну… Жаль, конечно, было бы… Но для тебя…

– Геон! – Арон вскочил в гневе на ноги. – Ты издеваешься надо мной!

Геон расхохотался, и смех его долго переливался колокольным звоном по коридорам храма.

– Наконец-то понял! Долго же до тебя доходит!

– Это ты не понимаешь! – слёзы снова застлали глаза Арона. – Крима на рассвете отдадут в жертву чёрному дракону!

– Да что ты говоришь! – смех Геона стал ещё веселее. – Дракону?

– Дракону! – Арон действительно ничего не понимал. Что так развеселило повелителя?

– А кто тебе сказал, что дракон решит принять эту жертву? – от хохота у Геона появились слёзы.

– Нет? – Арон осторожно заглянул в глаза юноше. Хотя да… Повелителя здесь не было… Но каким-то образом он всё же был здесь. – Великий дракон не примет жертву? Но… – Арон замялся. – Я не слышал ни об одном случае, чтобы дракон отказывался от жертвоприношения в свою честь.

– Ну, Арон! – Геон обнял мальчика за плечо. – Должно же это случиться впервые! Дракон разборчив, он не ест тех, кто не является падалью!

– Не понял… – Арон замер, не веря своему счастью. Крим останется жив!

– Дракон не питается теми, кто готов добровольно отдать свою жизнь, чтобы защитить чью-то ещё! И тем более, он не станет есть того, кто не смог предать друга ради каких-то написанных на бумажках текстов! – смех словно смело с лица повелителя. Теперь оно было абсолютно серьёзным. – Дракон, в отличие от многих представителей двуногих млекопитающих, обладает таким понятием, как честь!

– Я это заметил! – улыбнулся Арон.

– Улыбка на твоём лице словно бальзам для моего сердца, – снова повеселел Геон.

– Спасибо тебе! – поблагодарил Арон.

– Помнишь, я всё ещё благосклонен к тебе! – весело пропел удаляющийся голос.

– О, Геон! – с чувством выдохнул мальчик. – Я всё более и более люблю тебя…

Видение повелителя испарилось, а Арон, настроение которого несколько улучшилось, но не настолько, чтобы иметь желание веселиться, медленно поплёлся в свою комнату.

Там его уже ожидал новый послушник примерно того же возраста, что и Крим.

– Здоровья и счастья тебе, господин! – весело выпалил он, склонившись так низко, что спина его изогнулась словно крюк.

Арон постарался взять себя в руки, напоминая самому себе, что послушник не виноват в том, что случилось с ним и его другом.

– И ты здравствуй и благоденствуй! – Арон не смог подавить грусть, голос выдал его.

– Господин чем-то расстроен? – взгляд послушника погрустнел.

– Это мои проблемы, – улыбнулся Арон. – Они пройдут! – он оглядел мальчика. Поношенные, но целые, мокасины, старый, но чистый, серый балахон с откинутым капюшоном, подпоясанный холщовой верёвкой, волосы, цвета спелой соломы, серые глаза, немного вздёрнутый нос, – такой же, как все, но чем-то другой. И настолько же твёрдо верящий в пророчество, как каждый из служителей этого замка. – Как называть мне тебя? – ласково спросил мальчика Арон.

– Тим! – склонив голову, представился тот.

– Ну что же, Тим! – улыбнулся Арон. – Я в твоём распоряжении!

Арон проснулся ещё до рассвета. Не ожидая прихода Тима, он открыл проход под своими покоями и тихо позвал одного из четверых братьев-гномов, всегда неотступно следующих за ним. Иногда Арону начинало казаться, что они привязаны к нему неразрывной верёвкой. Но братья старались никогда не надоедать мальчику, и без надобности не показывались на глаза.

– Стик! – шёпотом крикнул Арон в темноту подземелья.

Внизу показался слабый огонёк, который, приблизившись, превратился в фонарь, зажатый в огромной ладони Стика. Гном поднялся по лестнице и, словно скала, возвышаясь над мальчиком, поздоровался:

– Здоровья тебе, маленький господин!

– И тебе! – нетерпеливо ответил Арон, а затем задал интересующий его вопрос: – Слушай, а ты не знаешь, где будет проходить церемония?

– Церемония? – удивился Стик. – Какая церемония?

– Жертвоприношение! – пояснил Арон.

– Что?… – глаза гнома вылезли из орбит, на лице застыло выражение ужаса, он даже конечностями перестал дёргать, а для гномов это было первым признаком великого страха, обуявшего их. – Что ты сказал, маленький господин?

– Жертвоприношение… – Арон вглядывался в гнома. – Да что с тобой, Стик? Ты же всё всегда знаешь! Они собираются отдать Крима…

– А-а-ах! – облегчённо вздохнув, Стик плюхнулся на пол. – Ты об этом…

– Конечно, об этом! О чём же ещё? – вознёс руки к небу Арон. – Так ты мне ответишь?

– Так… – Стик усмехнулся. – Они ж решили, что ты его спасать пойдёшь, и привязали его к скале прошлым вечером, перед закатом.

– Перед закатом? – первоначально посетившее Арона удивление начало перерастать в гнев. Перед закатом приносили в жертву только самых отъявленных преступников, даже имена которых стирались из книг истории. Любое воспоминание о человеке, принесённым в жертву великому дракону перед закатом, считалось кощунством. – Да как они посмели! – прорычал Арон.

– Ты погоди, маленький господин! Слушай дальше! – Стик подмигнул изумрудно-зелёным глазом. – Все, порицая… Хм… – Стик задумался на минуту, потом, прочтя нетерпение на лице Арона, продолжил. – Я так и не понял, за что они порицали бедного Крима, но это, впрочем, и не важно. В общем, они привязали его к скале и стали ждать. Ждали они – ждали, ждали – ждали, а дракон возьми, и не прилети. Побрезговал он их трапезой! – Стик снова весело подмигнул. – Отвязали они его и увели куда-то.

– Увели? – всполошился Арон. – Куда?

– Не знаю! – пожал плечами Стик. – Не видели мы, куда. Уж очень они старались его спрятать, а мы ж должны с тобой быть, маленький господин.

– Но вас же четверо! – простонал Арон.

– Прости, – понурил голову Стик.

– Да ладно, ступай! – Арон грустно вздохнул. – Наверное, скоро мне понадобится друг.

– Мы будем тебе друзьями, маленький господин! – закивал Стик.

– Не сомневаюсь! – улыбка Арона совсем не выглядела весёлой. – А теперь иди, а то напугаешь моего нового послушника.

– Ага! Благосклонности тебе богов! – и с этими словами Стик скрылся на уходящей в подпол лестнице, которая тут же, задвинувшись, слилась с покрывающим пол ковром.

Не успел закрыться потайной лаз под полом, как Арон почувствовал лёгкое дуновение ветерка, которым всегда сопровождалось открытие дверей в его покои. Мальчик резко обернулся, и встретился глазами с Зойей, стоящей на его пороге. Женщина тихо прикрыла дверь и шёпотом спросила:

– Нас здесь никто не услышит?

– Нет! – заинтриговано ответил Арон. Он никак не ожидал встретить мать Вилона в своей спальне в предрассветный час.

– Я ждала под дверью, когда ты проснёшься, – попыталась оправдаться она. – Потом услышала, как ты здесь с кем-то разговариваешь. Он очень громко смеялся. А затем, когда всё затихло, решила зайти.

Арон всё ещё вопросительно смотрел на женщину, не понимая, что ей от него может быть нужно настолько срочно, что она решила прийти сюда так рано.

– Здравствуй и процветай! – спохватилась она.

– И тебе здоровья и процветания! – машинально ответил Арон.

Но приветствие женщины нисколько не объясняло её появления.

– Спасибо тебе! – промямлила Зойя, всё более и более смущаясь.

Арон кивнул. Неужели она решила прийти сюда сейчас, чтобы поблагодарить его за спасение? «Хм… Мило!» – подумал мальчик, но продолжал молчать, давая возможность женщине высказать то, что она хочет.

– Они отправили его в южный храм! – выпалила Зойя.

– Они узнают, что ты мне это рассказала! – неодобрительно ответил Арон. Эти сведения он собирался выпытать у брата Феона.

– Я уйду раньше, чем кто-то из них увидит меня! – пообещала женщина. – А со временем сведения тускнеют, и они не могут видеть всего.

– Правда? Я не знал! – Арона всё более заинтриговывала эта женщина.

– Я знаю, ты отправишься за ним! – Зойя с надеждой посмотрела на Арона, ожидая его решения.

– Несомненно! – подтвердил мальчик.

– Возьми с собой Вилона! – Зойя упала на колени, протянув руки к Арону, словно к божеству.

– Встань, Зойя! – Арон подал руку, помогая женщине подняться на ноги. – Почему ты хочешь, чтобы я забрал твоего сына?

– Я боюсь! – Зойя не лгала, сейчас она действительно чего-то очень боялась. Вот только чего? – Они чуть было не заставили меня… – она закрыла лицо руками. – О, Арон! Я не выдержу этого второй раз! Забери его! С тобой он в большей безопасности!

– Но я не смогу скрыть от него правду! – Арон поднял за подбородок голову женщины, которая снова сползла на колени, унижено ему кланяясь, и заглянул в её глаза. – Он будет слишком близко!

– Не важно! – с жаром сказала она. – Он мой сын и умеет держать язык за зубами!

– Хорошо, я возьму его! – пообещал женщине Арон. – Встань!

Зойя поднялась на ноги.

– И ещё, я должна тебе сказать! – женщина подняла заплаканные глаза. – Южный храм находится на границе Огненной пустыни. Туда посылают тех, от кого отвернулась церковь. Там все неверующие. Ни один из них не опустит головы, узнав, кто ты на самом деле. Они отвернутся от тебя. Эти люди не настолько плохие, чтобы отдавать их дракону, но они изгои. Помни об этом, господин.

– Арон, Зойя… Арон… – мальчик сжал её руку, стараясь придать женщине сил. – Я позабочусь о твоём сыне! – пообещал он. – А теперь иди! Негоже, чтобы нас видели вместе.

– Пусть боги будут благосклонны к тебе! – произнесла фразу прощания Зойя.

– Пусть боги будут благосклонны и к тебе! – как при прощании с жрецами опустил веки Арон.

Глава 4. Мнимое отступление от предсказанного или различия в толкованиях пророчества

Ты можешь всё! Столь сердце велико,
Что мир вместит, которым управляешь!
В твоей душе сокрыто глубоко
Всё пламя. Ничего не возжелаешь
Ты для себя. И ежели нужда,
Способен стать ты ниже даже тени.
И тот, кто тебе верен, никогда
Не примет даже капли сожаленья.
Нет никого достойнее тебя!
Создатели не зря тебя избрали.
Ты любишь мир, и всех вокруг любя,
Ты справедлив. И воля, как из стали,
Твоя. В тебе есть чудо волшебства…

Отрывок из «Гимна повелителю» жреца Крима.

Вместе с солнцем, медленно выползшим из-за горизонта, держа в руках чистые одежды, появился Тим.

– Здравствуй и благоденствуй, господин! – поздоровался послушник.

– И тебе того же… – наблюдая за восходом солнца, откликнулся Арон.

– Я приготовил тебе одеяния, господин! – сообщил Тим.

Арон оторвал взгляд от горизонта и мельком посмотрел на протянутые руки Тима. На этот раз ему решили подать одежду цвета спелой малины.

– Отнеси их! – голос мальчика звучал тихо и печально. – Сегодня мне нужны одежды обычного послушника.

– Господин? – слова Арона ошеломили Тима, но он не смел перечить избранному. – Но… Хорошо… Я скоро вернусь.

Арон усмехнулся. Нетрудно было догадаться, куда именно припустился послушник. И действительно, не прошло и четверти часа, как Тим пришёл вместе с братом Феоном. В руках его были всё те же аккуратно сложенные малиновые с золотой отделкой вещи.

Сухо поздоровавшись с Верховным Жрецом, Арон переключил своё внимание на послушника.

– Я просил балахон послушника и серые мокасины, – голос его стал менее сухим, чем при разговоре с братом Феоном, но всё же нежным его тоже назвать было трудно.

– Это моя вина, – вмешался Верховный Жрец. – Я велел послушнику принести твою одежду назад. Негоже тебе, Арон, носить то, что носят прислуживающие тебе.

– Разве твоя? – Арон сделал вид, что что-то пытается вспомнить. – Не припомню, чтобы я просил об этом именно тебя. Я просил принести мне одежду послушника Тима.

Брат Феон грустно вздохнул. Сегодня Арон совсем не нравился ему. Но Верховный Жрец был уверен, что поступок его оправдан. И он также был уверен в том, что Арон способен его понять.

– Скажи на милость, зачем тебе одежда послушника, Арон! – по-отечески нежно произнёс брат Феон.

Но тон его не оказал никакого действия на избранного. Тот был так же грустен, и настолько же холодно вежлив, как ранее.

– Это просто, брат Феон! – улыбка у Арона получилась слишком вымученной, но сейчас мальчика это мало волновало. – Если я прибуду в южный храм, где никто не верит в пророчество, в одеждах избранного, что может случиться?

– Что? – внутри брата Феона всё похолодело. – Что-о-о? – голос отказал Верховному Жрецу, но шёпот, который он выдавил из себя, показывал весь ужас, охвативший его душу.

– А ты думал, что, отправив Крима в южный храм, сможешь удержать меня здесь? – спокойный грустный голос Арона действовал хуже, чем его жуткий крик в момент, когда чёрный свет заливал мальчика. – А-а-а! Пророчество! – догадался Арон. – Согласно ему я должен оставаться в главном храме? Ведь так? Но ведь у тебя нет сил, чтобы меня удержать. Только один жрец способен пойти против меня – Арес. Но боюсь, его нет в храме. И у тебя, брат Феон, нет другого выхода, как дать мне то, что я сейчас прошу. Тем более что прошу я такой мизер. Появись я в южном храме в этих одеяниях, – Арон пренебрежительно махнул рукой на дорогой малиновый костюм, который всё ещё оставался в руках Тима, – меня же камнями закидают.

– Я сделаю, как ты хочешь! – брат Феон, не в силах больше держаться на ногах, сел на низкий табурет, стоящий около порога, и закрыл руками глаза. – Но ответь мне, ты вернёшься?

– Не знаю! – Арону внезапно захотелось утешить монаха, хотя сам он, наверное, думал, что не заслужил утешения. Но Арон-то точно знал, что утешения заслуживает каждый. – Моё присутствие здесь становится опасным для людей, окружающих меня. Я понимаю, что пророчество играет важную роль в жизни храма, но я никогда не приму той ситуации, в которой пророчество ценится выше человеческой жизни и человеческой души.

– Ты должен остаться! – взмолился Верховный Жрец. – Иначе…

– Нет! – перебил монаха Арон. – Теперь это уже невозможно. Задумайся немного, и ты поймёшь почему. А теперь прости, я должен попрощаться с учителем.

– Ты пойдёшь под землёй? – цепляясь за последнюю ниточку надежды, спросил брат Феон.

– Нет! – Арон обрубил и эту последнюю нить. – Я буду путешествовать, как все люди.

– И ты хочешь идти один? – неподдельное участие в голосе Верховного Жреца немного согрело душу Арона.

– Я возьму с собой Вилона! – Арон понимал, что это мало успокаивало монаха, воспитывающего его с пелёнок. Но что он ещё мог сказать?

– Вилона? – брат Феон застонал, ощущая ничтожность поступка, который недавно совершил. Но всё же Верховный Жрец до сих пор был уверен в правильности сделанного. Теперь, когда у него есть слово Арона, Зойя становится не опасной. А не сделай он этого… Кто знает, что тогда могло бы случиться?

– Здесь ты мне тоже не оставил выбора! – Арон понимал, как сильно ранят его воспитателя слова, произносимые им, но это была правда, и против неё не мог устоять ни один довод монаха. – Так мне принесут одежды? – спросил Арон.

– Да! – брат Феон жестом отослал Тима, и когда мальчик вышел, спросил: – Ты сможешь когда-нибудь даровать мне прощение, господин?

– Я уже простил тебя! – Арон смотрел на монаха сверху вниз, и во взгляде его вмещалось столько понимания, сколько только можно было вместить в глазах почти девятилетнего мальчика. – Но остаётся вопрос, сможешь ли ты простить себя? Не оправдать. Я знаю, оправдание у тебя есть! Простить… Сможешь?

Брат Феон поднялся на ноги и лишь слабо покачал головой.

– Да прибудет с тобой благосклонность богов! – сквозь слёзы попрощался он, склонив на этот раз ни одну лишь голову, а униженно склонившись сам.

– И к тебе пусть будут боги благосклонны! – пожелал мальчик, слабо улыбнувшись.

И более не оборачиваясь, Верховный Жрец покинул покои избранного.

– Брат Феон! – прошептал мальчик. Как хотелось ему сейчас утешить жреца, но тот сам попал в расставленные собой ловушки. И понимая это, не видел выхода из замкнутого круга, по которому привык перемещаться всю свою жизнь.

Тим вернулся очень быстро. По-видимому, мальчик всю дорогу бежал. Арон про себя отметил, что Тим намного расторопнее Крима. Надев на себя балахон послушника и подпоясавшись грубым верёвочным поясом, Арон снял с головы обруч и заменил его серой холщовой лентой. Критически оглядев себя, Арон решил, что вполне сойдёт за послушника храма.

– Мы не подвязываем волосы, – робко заметил Тим, видя, как Арон вертится перед зеркалом, разглядывая себя со всех сторон.

– Ну, с этим я ничего не могу поделать, – Арон ободряюще улыбнулся Тиму. Мальчик ему нравился, хотя знал он его совсем недолго. – Если я остригу волосы, у монахов начнётся повальная эпидемия.

Тим испугано заморгал.

– Правда? Какая? – спросил он.

– Их всех хватит удар, – всё ещё продолжая критически рассматривать своё отражение, ответил Арон. – А причиной всему будет то самое пророчество. Там ведь не написано, что я должен постричься, верно? – Арон подмигнул послушнику, наконец, оторвавшись от зеркала.

– Господин… – робко начал Тим, но, видимо, не решаясь продолжить, замолчал.

– Да? – Арон ободряюще улыбнулся.

– Возьми меня с собой, господин! – медленно произнёс мальчик; видно было, что каждое слово давалось ему с трудом.

– Что? – опешил Арон, он никак не ожидал такой просьбы от малознакомого подростка. – Это тебя Верховный Жрец надоумил?

– Нет! – замотал головой Тим. – Он не знает, что я просил тебя.

– Ты хоть представляешь себе, куда я направляюсь и какой дорогой пойду? Сейчас не лето… – Арон обошёл Тима вокруг, отчего тот чувствовал себя всё менее и менее уверено. Послушнику хотелось, словно страусу, спрятать голову в песок. Только песка в покоях Арона не было.

– Да, господин! Я всё слышал, – прошептал Тим.

«Храбрый!» – подумал Арон. Да… Такой расторопный слуга ему бы пригодился в дальней дороге. Но здесь ведь следует думать не только о себе. Арон вспомнил, как тяжело болел в последнем путешествии брат Марк. Да и следует себе напомнить, что все, кто находится рядом с ним, живут в постоянной опасности. Пророчество довлеет неизвестными Арону словами. Зойя чуть было не лишилась самой себя, Крим оказался в ссылке, Вилона необходимо тащить за собой лишь боги знают куда, чтобы спасти его семью от неизвестной опасности. И если теперь ещё и Тим присоединится к нему… Нет! Арон просто не мог этого позволить.

– Прости, Тим, – покачал головой он. – Но нет!

Тим грустно уронил голову и едва слышно пробормотал:

– Да будет по слову твоему, господин!

Арон кивнул и вышел за двери. Тим последовал за ним. Наверное, мальчику уже успели объяснить, что Арону нужно постоянное сопровождение на случай, если тому что-нибудь понадобится. Именно так Арон объяснял всем вокруг своё требование постоянного присутствия при нём Крима. Не мог же он, в самом деле, сказать, что ему просто нужно, чтобы друг как можно более часто был рядом с ним. Монахи бы этого точно не одобрили.

В комнате обучения, кроме брата Марка, находились брат Феон, брат Стив – главный лесничий храма воинов церкви, сопровождавший Арона вместе с братом Марком из западного храма домой, – и брат Мирий. Присутствие последнего показалось Арону более чем странным

после того, как тот получил позорный урок на их первом – и Арон надеялся, что последнем, – состязании.

Произнеся фразу приветствия и выслушав ответ, Арон обратился к брату Марку.

– Прости меня, учитель. Но сегодня я не смогу заниматься с тобой, как и во многие последующие дни! Я вынужден покинуть эти места, – Арон склонил голову в знак почтения. Ему было жаль расставаться с братом Марком, пожалуй, больше, чем с кем-либо ещё в этом храме, но выхода у него действительно не было. Крим не должен был страдать из-за него. И коли так случилось, что друг наказан за свою верность, он – Арон – должен проявить такую же верность.

– Да, мне сказали, – улыбнулся философ. – Только я не понимаю, почему ты не хочешь продолжить обучение в пути?

– В пути, учитель? – надежда блеснула в глазах Арона. Неужели брат Марк намекает на то, что собирается сопровождать его в южный храм?

– Разве послушник твоих лет может идти в столь дальний путь без сопровождения жреца? – философ не давал Арону права на выбор, и эта хитрость понравилась мальчику. Ох, как он был мудр, его учитель!

– Думаю, ты прав! – Арон постарался выглядеть очень серьёзно, но смешливые огоньки в его глазах выдавали настроение мальчика. Сейчас он был действительно счастлив. Его учитель, которого Арон так уважал и любил, будет с ним. – Но возьму я тебя с одним условием, – добавил мальчик. На этот раз он был абсолютно серьёзным.

– С каким? – поинтересовался брат Марк.

– Твоя одежда будет достаточно тёплой, чтобы ты не простудился в пути! – глядя учителю прямо в глаза, произнёс Арон. – И меня не интересует вопрос, является ли она традиционной для жрецов этого храма.

– Справедливо! – улыбка озарила лицо брата Марка. Он был несказанно счастлив такой заботой своего ученика.

– Я тоже пойду с тобой, господин? – спросил брат Стив, стукнув себя кулаком в грудь. Это было традиционным приветствием в храме воинов церкви. И Арона всегда интересовал вопрос, как эти воины до сих пор не разбили свои рёбра, когда их огромные кулачищи с такой силой врезались в грудную клетку.

– Нет! – покачал головой Арон. – Ты должен вернуться в храм! Иначе как воины храма смогут попасть сюда?

– Но как мы сможем найти тебя в случае нужды? – брат Стив выжидающе смотрел на избранного.

Арон на секунду задумался, затем громко позвал:

– Стик!

Стена комнаты обучения медленно поползла вверх и оттуда выглянула рыжая голова гнома.

– Здравствуй и благоденствуй, маленький господин!

– И тебе того же… – отмахнулся Арон. – Послушай, Стик, кто-нибудь из вас может стать связным между мной и воинами западного храма?

– То есть между тобой и им? – палец гнома указывал на брата Стива.

– Да, верно! – кивнул Арон.

– Конечно! – обрадовался Стик. – Мы кого-нибудь к нему приставим! Ему только кликнуть останется.

– Только без шуток! – всполошился Арон. – Ни один из них не должен обратиться ни в камень, ни в груду золота!

– Ага… – рот Стика растянулся в улыбке. – А что же тогда с ними делать?

– Сти-и-ик! – неодобрительно протянул Арон, краем глаза следя за лесничим; но тот тоже улыбался во весь рот, не воспринимая всерьёз любимую шутку гномов.

– Кстати, – подлетел к брату Стиву гном. – Я – Стик, ты – Стив! Правда, смешно?

Смешнее всего было смотреть, как Стик дёргает своими конечностями. Гномы всегда так вели себя, когда были в хорошем настроении.

– Ну что же… – пробурчал себе под нос Арон. – Осталось найти Вилона.

– Он уже собран, – вставил слово доселе молчащий брат Мирий.

– Хм… В самом деле? – Арон с удивлением взглянул на брата Мирия. Куда делась его надменность? – И никто мне не собирается вставлять палки в колёса?

– Палки в колёса? – брат Феон начал нервно теребить свои пальцы, смотря куда-то в сторону. – Мы все будем очень счастливы, если ты останешься, – Верховный Жрец глубоко вздохнул и постарался взять себя в руки; убрав руки за спину, он взглянул в лицо Арону. – Но ведь это невозможно?

– Нет. По собственной воле я не остался бы здесь даже в том случае, если бы вы смогли вернуть Крима назад. Но сейчас вряд ли кто-то сможет нагнать его. Ведь он тоже не дремлет в пути, и не идёт пешком, – Арон не отрывал глаз от смотрящего на него брата Феона. – Он пострадал по моей вине, это я потребовал его жизнь в обмен на душу Зойи, которую вы собирались забрать, – Арон взмахнул рукой, призывая собравшегося оправдываться Верховного Жреца к молчанию. – Я знаю ваши мотивы, и не склонен сейчас осуждать или оправдывать вас. Я не оставил ему выбора, дав всего два варианта – предать меня или предать церковь. В обоих случаях он бы проиграл. У Крима не было ни единого шанса. И сейчас я обязан вернуть ему жизнь. И если он не захочет вернуть свою, то взамен я отдам мою.

– Что ты имеешь в виду? – брат Феон отступил на шаг, опасаясь худшего из всего, что могло произойти.

– Если он не пойдёт со мной, решив остаться в церкви, которая отвергла его, – Арон снова жестом предупредил попытку Верховного Жреца вставить возражение. – Да, отвергла! Разве не вы пытались принести его в жертву великому дракону прошлым вечером? – брат Феон опустил глаза, он не думал, что Арону известно о том позоре, который пережил их храм – чёрный дракон отказался от принесённой жертвы. – Так вот! Если он не пойдёт со мной, я останусь с ним. Я буду служить в южном храме послушником.

– Нет! – воскликнули одновременно братья Феон, Марк, Стив и Мирий.

– Ты не можешь быть послушником! – скороговоркой проговорил брат Феон. – Ты не причислен к церкви!

– Значит, я буду служкой, пока они не причислят меня, – без тени сомнения в голосе ответил на их возражения Арон.

– Стой! – брат Феон возложил трясущиеся руки на плечи мальчика. – Властью Верховного Жреца я причисляю тебя к церкви!

Арон склонил голову.

– Постараюсь оправдать доверие, брат Феон. Но не обещаю идти против совести! – Произнёс мальчик.

– Ты и не сможешь! – грустно улыбнулся брат Феон, убирая руки с плеч мальчика.

Арон улыбнулся в ответ наставнику.

– Верно! – мальчик взял брата Феона за руку, заставляя посмотреть на себя. – И я никогда не стану нарушать обычаев храма, в том числе и тех, согласно которым я не должен знать содержания пророчества в случае, если это не станет настоятельной необходимостью, как это было вчера, – Арон крепче сжал руку Верховного Жреца в своих руках, словно стараясь высечь свои слова в его мозгу. – Не создавай же сам такой ситуации, когда я должен буду искать запретные для меня знания. Теперь тебе известно – я найду их!

Брат Феон молча кивнул, подтверждая, что понял предупреждение.

– А теперь нам пора идти! – Арон поглядел на философа. – Ты готов, учитель?

– Да! – кивнул тот. – Но не следует ли тебе сначала позавтракать?

– Хорошо! – согласился Арон, памятуя, как относится брат Марк к необходимости его своевременного питания. – Ожидайте меня с Вилоном в холле. Я долго не задержусь!

И Арон быстрым шагом пошёл по коридору. За размышлениями он совершенно упустил из виду, что Тим неотрывно следует за ним везде, и спохватился лишь у входа в столовую. Арон резко остановился и обернулся к послушнику.

– М-м-м… – из головы его вылетело абсолютно всё, кроме ожидаемой поездки, и сейчас Арон никак не мог придумать, куда бы отослать Тима.

– Ты не хочешь, чтобы я наблюдал за твоей трапезой, господин? – помог Арону Тим.

Вздохнув, Арон кивнул.

– Если хочешь, я подожду здесь, – предложил Тим. – Но ты не должен опасаться того, что я увижу. Я знаю, чем именно ты питаешься.

– Ты можешь идти, Тим! – наконец нашёл слова Арон. – Сразу после завтрака я отправляюсь в путь. Ты мне больше не понадобишься.

– Пусть боги будут благосклонны к тебе, господин! – поклонился послушник.

– И тебе я желаю благосклонности богов! – ответил Арон.

Ещё полминуты мальчик наблюдал, как Тим быстро убегает по коридору, затем облегчённо вздохнул, открыл двери столовой и ступил внутрь.

* * *

Брат Феон лихорадочно перелистывал страницы копии древней рукопись, недавно перенесённой с пергамента на бумагу.

– Посмотри! Вот о чём я говорил! – он заломил руки. – Это я виноват! Сколько раз я перечитывал эти тексты? Я знаю их наизусть, могу процитировать с любого места! И что? Пропустить такое!

Брат Мирий заглянул за плечо Верховного Жреца, вчитываясь в строки пророчества, лежащие перед ним.

– Здесь везде фигурирует соратник или друг! – причитал Брат Феон, тыча пальцем в открытую страницу книги.

– Но кто мог знать, что соратником может стать простой послушник? – брат Мирий пытался оправдать недомыслие толкователей пророчества, самого себя, да и Верховного Жреца тоже. – Послушник – друг избранного! Кто мог даже помыслить о таком?

– Они же всё время были вместе! – брат Феон не слушал никого. – Я видел, как взрастала преданность Крима своему господину! Как я мог быть так слеп? Перед тем выбором, который поставил Криму Арон, мальчик был бессилен. Потому что это именно он – соратник, описанный в пророчестве! Я сам во всём виноват! Соратник должен был оставаться подле избранного, он предан избранному всем своим естеством! И дракон… священный дракон впервые побрезговал нашей жертвой! Нам нужно было аккуратнее относиться к этому знаку. Дракон мудр! Мудрее любого из нас. Он не стал нападать на соратника избранного! А мы… Я… Что я сделал? Я разлучил его с Ароном своею властью! А Крим должен был оставаться с избранным! – брат Феон застонал, он был готов сейчас вынести любую физическую боль, только бы не чувствовать те душевные муки, которые сопровождали его самобичевание.

– Он и останется подле избранного! Ведь Арон отправился за ним! – брат Мирий схватил Верховного Жреца за плечо, желая хотя бы немного встряхнуть его. Когда глава церкви находиться в таком состоянии, может случиться беда.

– Но он должен был оставаться в церкви, – брат Феон медленно поднял голову, в его глазах возникло понимание чего-то нового. – Но он и остался в церкви! Арон остался в церкви!

Я сам только что причислил его к ней! А Крим… Его мы тоже не изгоняли из лона церкви, лишь из храма. И мы вернём ему всё, что он имел, стоит только Арону привести его назад!

– Верно! – брат Мирий крепче сжал плечо брата Феона, сам не замечая того, что начал делать ему больно. – И Арон пошёл не куда-нибудь, а в южный храм, в храм нашей церкви!

– Отпусти, медведь! – дёрнул рукой Верховный Жрец.

– Прости! – брат Мирий разжал пальцы и указал на текст чуть ниже того, на который только что указывал перст брата Феона. – Но как тогда объяснить вот это?…

* * *

Выехали путники примерно часа за два до полудня. Лошадей Арон и брат Марк взяли тех же, что и в прошлое своё путешествие. Арону достался его серый шагди по кличке Феникс, а брату Феону рыжий клеппер Григ. Вилону же дали гнедую арабскую лошадь Дэдди. Конюх был несколько удивлён таким выбором, но не решился перечить брату Марку. Если бы Арон и брат Марк обратили внимание на недоумение специалиста в лошадях их собственным выбором, дорога стала бы проще, но в тот момент они слишком спешили.

Поначалу ехали молча. Говорить было не о чем и незачем. Брат Марк переживал отъезд Арона из храма из-за отступления от хода событий, показанных в пророчестве, которое, по его мнению, произошло по вине самих хранителей, вынудивших Арона пойти в южный храм вслед за своим слугой. Арон обдумывал ситуацию, возникшую в храме в последнее время. А Вилон, будучи в восторге от того, что на этот раз его взяли с собой, не оставив одного в безвестности, не решался прервать молчание. К полудню, когда путешественники отъехали от храма достаточно далеко, и выложенная камнем дорога перешла в грунтовую, пришлось сбавить темп. Земля под копытами коней была ещё влажной, и те скользили по весеннему грунту. Небо, хорошо видное сквозь голые стволы деревьев, затянуло перистыми облаками, отчего солнце совершенно перестало раздражать глаза, которые в самом начале пути приходилось сильно сощуривать. Снег стаял буквально за несколько последних дней. Солнце припекало, даря тепло. Арон медленно приходил в своё обычное жизнерадостное состояние. Птицы, которых поначалу не было слышно, сейчас весело щебетали на ветках. Арон оглянулся на Вилона. Тот ехал, опустив голову и ни на кого не глядя.

– Ты не сердишься на нас, что мы оторвали тебя от дома? – задал вопрос Арон. Ему не хотелось, чтобы друг грустил, и, хотя он прекрасно понимал, что настроение Вилона связано вовсе не с тем, что он хочет вернуться домой, а с вынужденным несколько-часовым молчанием, Арон задал именно этот вопрос. И реакция Вилона была именно такой, какую ожидал Арон.

– Нет, конечно! – встрепенулся мальчик. – Я рад, что на этот раз жрецы разрешили мне поехать с вами. Удивительно, что родители согласились на это, – Вилон почесал затылок. – Хотя папа был не в большом восторге от мысли отправить меня с вами в чужой храм, но мама уговорила его.

– Интересно, как ей это удалось? – задумчиво произнёс Арон.

– О! Это просто! – радостно воскликнул Вилон. – Мама всегда имела бóльшее влияние на папу, чем это кажется на первый взгляд. У меня такое чувство, что она в любой момент сможет настоять на своём, не делая при этом больших усилий!

Арон удивлённо уставился на друга. Год назад, когда Арон покинул эти места, чтобы отправиться в западный храм, Вилон разговаривал совершенно иначе. Неужели общение с Кримом так благотворно подействовало на обычного поселкового мальчишку?

– Чего ты так смотришь? – с недоумением поинтересовался Вилон. – Ты считаешь, что женщина должна…

– Нет-нет! – перебил друга Арон, смущённо опуская взгляд. Действительно, не стоило так явно выражать своё удивление. – Просто ты стал старше, что ли…

– Ну да! Конечно! – вставил своё слово брат Марк, до сих пор хранивший молчание. – Вы же почти год не виделись!

– Я должен поблагодарить тебя, – краснея до кончиков ушей, обратился к философу Вилон. – Ты взял меня с собой, а я ещё не высказал, насколько я тебе признателен.

– О, не стоит! – отмахнулся брат Марк. – Просто ты мне нужен был в пути, вот и всё.

Следующий вопрос Вилона привёл брата Марка в некоторое замешательство. Он даже подумал, что не стоило вообще заговаривать с мальчиком.

– А зачем? – спросил тот.

В самом деле, зачем ему мог понадобиться поселковый мальчик? Но Арон спас положение.

– Нам нужен человек, знающий толк в земледелии! – выпалил он. – Я не знаю точно, но, возможно, на юге нам придётся этим заняться.

– Ну, в этом я вряд ли буду хорошим помощником! – раздосадовано признался Вилон. – О земледелии я знаю только понаслышке, я больше с отцом лошадьми занимался.

– Но мы-то не знаем вообще ничего! – поддержал Арона брат Марк. – Понаслышке – это всё-таки что-то.

– Тогда вам нужно было взять с собой кого-то другого! – совсем понурился Вилон.

– Путь нелёгок, – возразил Арон. – Кто-то другой навряд ли бы был так доволен, как ты, этой поездкой.

– Верно! – согласился брат Марк. – А в южном храме наверняка найдётся кто-то, кто хотя бы словом сможет подсказать нам то, чего не знаешь ты.

– Всё складывается не так уж и плохо! – кивнул Арон. – Даже теоретические знания нам не повредят.

– Да к тому же не возвращаться же нам! – рассмеялся брат Марк.

Вилон с удивлением переводил взгляд с Арона на философа. Было странно видеть, что те так старательно пытаются утешить его, когда он понял, что не так сильно необходим им, как бы того хотелось.

– Да понял я! – наконец смог он вставить слово, желая прекратить убеждение ими себя в том, что он им зачем-то необходим. – Я вам всё ещё нужен.

– Верно! – хором согласились Арон и брат Марк.

Тучи немного рассеялись, временами выглядывало солнышко, дорога стала веселее. Копыта лошадей всё также утопали в ещё не просохшем весеннем грунте, поэтому животные почти всю дорогу шли шагом, давая возможность путникам общаться. Вилон весело рассказывал Арону о своих приключениях с Кримом. Арону же это казалось чрезвычайно интересным. В те дни Крим появлялся редко, очень много времени уходило на обучение, но, когда он приезжал, мальчики веселились вовсю. Они обошли практически все окраины поселения, кроме, разумеется, мест, куда нельзя было заходить, а именно владений чёрного дракона. Они запускали воздушных змей, даже ходили в горы, чуть дальше, туда, куда не залетал чудовищный кровожадный зверь. Крим учил Вилона стрелять из лука, владеть холодным оружием и многому тому, чему его самого обучали в храме. За исключением, конечно, запретных знаний. Их, как понял Арон, Крим хранил в тайне, как и было положено послушнику церкви. Вилон рассказывал живо, так, что всё то, о чём он говорил, ясно стояло перед глазами, поэтому его рассказ заинтересовал не только Арона, но и следующего возле мальчиков брата Марка. Иногда тот вставлял свои вопросы, вызывая Вилона на бóльшую откровенность, и заставляя наиболее ярко описывать события того года жизни, когда Арона не было в главном храме. Арон радовался тому, что речь Вилона стала намного более связной и красочной. Мальчик вытянулся, осанка его теперь была более гордой, тело менее тучным. Было бы неплохо, если он ко всему прочему потерял и свою былую неловкость. Арон подумал, что стоит ему самому заняться обучением мальчика. Зачем это было нужно, Арон пока решил не задумываться. Возможно,

искусство обороняться сможет пригодиться Вилону. А если нет, то ничего страшного, просто они лишний раз повеселятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.